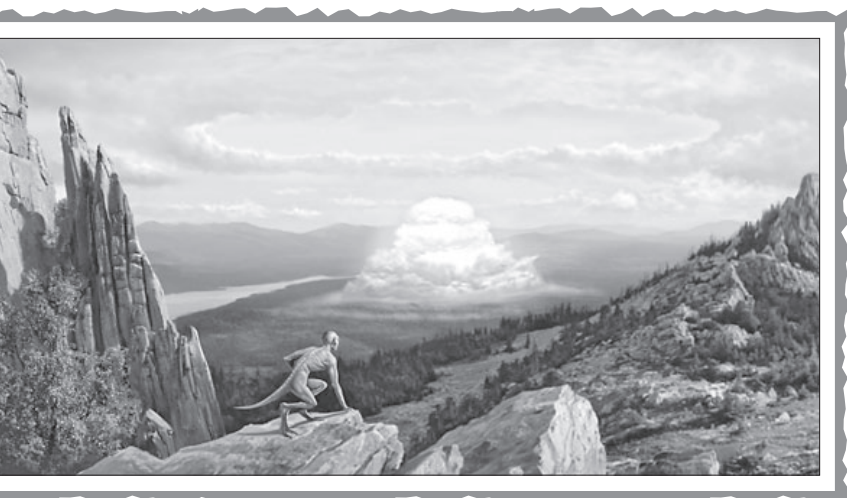

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

Практикантка

Москва, 2012

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

- Практикантка •
- Боевая единица •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К18

Серия основана в 2005 году
Выпуск 128

Художник
И. Воронин

Каменистый А.

К18 Практикантка: Практикантка; Боевая единица/Послесл. К. Савельева. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 699 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1214-3

Монастырский устав строг, но в нем нет места для распорядка богослужений, а слово «духовное» понимается в очень узком и специфическом смысле. Здесь не учат смирению, не запоминают молитвы, и монахию в черном облачении здесь никто никогда не видел и вряд ли увидит. Здесь выращивают убийц: умелых, безжалостных, не задающих лишних вопросов. Они готовы выполнить любой приказ, в любых условиях. Даже если приказ абсурден, а тот, кто его отдал, некомпетентен. Городские улицы, тайга, пустыня, просторы океана — им все равно, где убивать и где умирать. Они лучшие.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1214-3

© Артем Каменистый, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

• Практикантка •

Города Нимгер в Южной Якутии нет, всякое сходство с реальными людьми случайно. Приведенные координаты умышленно искажены, установить по ним путь практикантки невозможно.

Автор

...В случае невозможности связаться с руководством всеми изложенными выше способами необходимо немедленно свернуть все плановые работы и преследовать объект, стараясь не дать ему оторваться на большое расстояние. При этом не рекомендуется демонстрировать себя, сокращать дистанцию до минимальной или начинать активные действия. По ходу преследования необходимо принять все меры по информированию руководства о своем местонахождении и поведении объекта. Для этого рекомендуется...

*Орден. Инструкция поиска
(ч. 4, п. 11, п.п. 7)*

ПРОЛОГ

— Привал! — громко скомандовал командир группы и поднял бинокль.

Трое плечистых парней немедленно облюбовали удобные камни, затянутые мягким лишайником. Положив на колени свое оружие, они с наслаждением вытянули натруженные ноги.

Поисковая группа находилась на северном склоне высокого гольца, довольно близко к его вершине. Далеко внизу остались густые заросли тонких лиственниц и сосен, непролазный бурелом кедрового стланика сменился отдельными кустиками, цепляющимися за глыбовую осыпь, тянущуюся до самого верха горы. Высота была довольно приличной, здесь до сих пор сохранились отдельные островки зернистого, тяжелого снега.

Четвертый член отряда, молоденькая девушка, присела, прислонила мощную винтовку к высохшему стволу стланика и принялась увлеченно выискивать среди вытявшихся кустиков брусники гроздья прошлогодних, сладких ягод. Покосившись в ее сторону, командир недовольно поморщился, припал к окулярам, палец лег на регулятор резкости.

Мощные линзы хорошего бинокля приблизили сероватое пятно наледи, возле которой отряд провел ночь; взгляд скользнул дальше, в сторону далекого безобразного шрама, оставшегося на месте таежного ручья. Старатели уже давно отработали эту россыпь, изуродовав долину на несколько километров. Кроме старых следов золотодобычи и триангуляционного пункта на уплощенной вершине гольца, других заметных следов человеческой деятельности здесь не наблюдалось.

Маленький отряд поисковиков был заброшен сюда еще вчера утром. Самолет выбросил парашютистов над сырой марью, при этом двое ребят, пробив торфяную корку, здорово вывозились в болотной грязи и вымочили свою одежду. Но лучшей площадки в этих местах попросту не нашлось; от выхолощенного русла ручья пришлось бы идти гораздо дальше, а приземление на каменную осыпь чревато почти неизбежными переломами ног. После марш-броска выйдя в заданный район, оперативники прочесывали его вот уже на протяжении тридцати часов. Их не остановило и наступление темного времени суток. В этих высоких широтах в июне можно было различать крупный текст даже в полночь, а кроме того, у каждого был прибор ночного видения с запасом батарей. Максимум, что они могли себе позволить, — полтора часа привал неподалеку от наледи.

Однако поиск никаких результатов так и не принес. Отряд спугнул одинокого изюбра, нашел несколько давних кострищ, засыпанный разведочный шурф и россыпь старых бутылок возле геодезического знака. В это пустынное место они шли с надеждой на более значительные находки — издалека здесь виднелся некий странный белесый предмет в окружении сверкающих блесков. Но при ближайшем рассмотрении он оказался обычным медвежьим черепом, надетым на ржавую перфораторную штангу, вбитую в отвалы старой геологической траншеи. При ее проходке взрывы засыпали всю округу крупными пластинами светлой слюды, она и давала такие странные отблески.

Командиру смертельно хотелось присесть рядом со своими ребятами, ходьба по этим проклятым камням вымотала его до дрожи в коленях. Но приходилось крепиться, не показывать вида. Иначе придется потерять часть самоуважения, ведь эта зеленая девушка, навязанная в группу незадолго до вылета, держалась с таким видом, будто находится на прогулке в городском парке. Проклятая практикантка вот уже больше суток легко прыгала по шатающимся камням; в душе каждый член отряда неистово надеялся, что она непременно сломает ногу и можно будет наконец-то отдохнуть по-на-

стоящему. Но тщетно. Девчонка шагала как заведенная и даже на привалах не спешила присаживаться, вечно находила себе какое-нибудь глупейшее занятие. То разбирала свой карабин, проверяя, нет ли влаги или мусора в механизме, то просто бродила вокруг стоянки, пугая пушистых пищух и с явным восторгом изучая скудную северную флору. В общем, вела себя как простая беззаботная туристка на загородной прогулке.

Бойцы поначалу сыпали шутками и советовали утомиться, обещая в случае полной потери сил ее добить, согласно неписаным законам тайги. Но вскоре приуныли. Крепкие мужики теперь выглядели как выжатые тряпки, при каждой остановке они немедленно падали куда придется, вытягивая натруженные ноги. Крутой склон и шаткая осыпь быстро вымотают даже опытного ходока. Командир все еще держался, стыдно было показывать свою усталость перед девчонкой. Но силы его были уже на пределе, а она по-прежнему держалась как ни в чем не бывало; к ней даже грязь не липла — ее камуфляж был будто только что из-под утюга. Другую уже бы давно на руках тащили, а эта знай себе скачет козой и в ус не дует. Вон на бруснику набросилась, будто делать ей больше нечего.

Почувствовав близкое движение, он повернулся, хмуро уставился на подошедшую практикантку. Та, вешая карабин на плечо, вежливо поинтересовалась:

— Мы долго тут стоять будем?

— А что? — раздраженно спросил командир.

Чуть смутившись, девушка пояснила:

— Мне отойти надо. Ненадолго.

— Ничего, можешь прямо тут располагаться, — смог пошутить один из бойцов. — Только будь добра, встань по ветру: и мне виднее будет, и ароматы тайги не пострадают.

Практикантку не смутила столь грубая шутка, за последние сутки она наслышалась и не такого. Командир кивнул:

— Ладно! Только недолго! И карабин не бросай.

— Будет на что облокотиться, — не унимался остряк.

Девушка быстро направилась вниз по склону. Дождавшись, когда ее спина скроется среди кустов стланика, командир немедленно плюхнулся на давно облюбованный камень, потянулся всем телом, ощущая, как под его весом хрустит корявая корка высохшего лишайника.

— Что, Бидон, тяжелый день? — понимающе поинтересовался все тот же юморист.

— Ты-то хоть помолчи! — тяжело вздохнул командир. — И откуда она только взялась на наши бедные головы?!

— К гадалке не ходи — всю жизнь проторчала в Монастыре!

— Что там той жизни? Вряд ли ей больше двадцати.

— Я с этими монашками уже сталкивался. Они все там такие бешеные. Я бы тоже сбрендил, если б годами баб не видел. Долго нам еще здесь бродить?

— Правила забыл? — сурово произнес командир. — Так я их быстро напому. Согласно инструкции, в случае пробоя второго порядка поисковые работы должны проводиться в течение сорока девяти часов после инцидента. Учитывая срок заброски, нам надо продолжать прочесывание еще восемь часов.

— Пристрелите меня, братцы! — взвыл остряк. — Да мы уже все вокруг осмотрели, нет тут ничего! Уходить надо!

— Нельзя, — командир покачал головой, — правила составляли грамотные люди. Хотим мы того или нет, надо продержаться еще треть суток.

— Но ведь тут все чисто!

— Точно так думали наши европейские коллеги около двадцати лет назад. — Тон командира был казенно сух. — Они свернули поиск за четыре часа до окончания срока. В результате произошла крупная авария на местной атомной электростанции.

— Да какие тут катастрофы! Геодезическая вышка развалится? Старатели бульдозер пропыют? Давай быстро решай: или этой монашке ноги поломаем, чтоб больше не скакала, или выдавай нам стимулы!

Ничего не ответив, командир потянулся к рюкзаку. Бойцы ожилились, разбирая шприц-тюбики с мощным стимулятором. Эта химия могла поднять в бой даже мертвого, на ней можно продержаться около двадцати часов, если вовремя повторить прием. Потом следует неизбежная расплата — отлеживаться, приходя в себя, придется более суток, выпив при этом ведро воды. Но через восемь часов они спокойно спустятся вниз, вызовут по спутниковому телефону вертолет. К тому времени вопрос о его аренде в местном авиаотряде будет решен.

— Прячь. — Последний боец протянул аптечку назад.

— Практикантка перебьется! — уточнил повеселевший болтун. — У нее и так скипидара полная задница.

Командир уложил коробку в большой карман рюкзака, сделал себе укол прямо через штанину, отбросил выжатый тюбик. Проследив за его полетом, он внезапно насторожился. Слюдяной отвал, на который упал шприц, был какой-то странный, отличный от других куч вывороченной породы. Не задумываясь, оперативник встал, подошел поближе, склонился. Да, усталость взяла свое, поисковик по-

терял обычную бдительность — в прежнем, свежем состоянии командир не вел бы себя так беспечно.

Крупные пластины слюды лежали неправильно. Соседние кучи блестели гораздо сильнее, плоские кристаллы, приглаженные водой и ветром, лежали на боку, как рыба чешуя. Этот отвал был совсем другим, его поверхность была явно нарушена, причем случилось это недавно. Командир наклонился еще ниже, разглядывая влажноватое углубление в сыпучей породе. Он вздрогнул, когда увидел, что оттуда на него пристально уставился желтоватый глаз. В следующий миг слюдяная куча взорвалась, выпуская стремительное тело.

Девушка лежала в густых зарослях стланика на маленькой пропешине, сплошь затянутой пушистым ковром ягеля. Она предусмотрительно постелила полиэтиленовый плащ, носимый в кармане разгрузочного жилета — теперь ее одежда не пострадает. Рядом стояли ненавистные высокие ботинки с комками носков, натруженные ступни приятно обдувало легким ветерком. Хотелось лежать так целую вечность, но нельзя: командир группы четко сказал — привал недолгий.

Она почти проклинала свою судьбу, ей все представлялось совсем не так. Нормальные выпускницы спокойно проводят свои два месяца практики в рабочих буднях европейских баз, где им всегда найдется подходящая работа, и они не чувствуют себя неполноценными. А ей в первый же день пришлось столкнуться с «синей тревогой», лететь за тысячу километров, прыгать с самолета в болото. Нет, она вовсе не возражала против подобных приключений — вся проблема была в здешнем коллективе. Опергруппа состояла из крепких мужчин, сбитых в дружную команду. С самого начала они смотрели на нее весьма косо, практикантка никак не вписывалась в их ряды. Каких трудов ей стоило держаться с бодрим видом, не показывая, насколько выдохлась. Если бы они двигались еще минут десять, скорее всего, она бы не выдержала, выдала чем-нибудь свою усталость. Ей впервые стало радостно за свой слабый пол. Пользуясь правилами приличия, она могла на привалах уходить в кусты, где можно было не притворяться, отлеживаться на плаще пять—десять минут, массировать ноги, закусывая губы от боли и жалея себя. Потом надо поправить одежду, тщательно затянуть ботинки, свернуть пленку, спрятав в карман разгрузочного жилета, вернуться назад с беззаботным видом, глупо восхищаясь окрестными пейзажами и на голом упрямстве держась от искушения плюхнуться рядом с оперативниками.

Внезапно девушка насторожилась, она ощутила странную колючую судорогу, быстро проскользнувшую по телу, спина напряглась сама собой, выпрямляя позвоночник в струну. Осознать значение этих тревожных симптомов практикантка не успела — рядом оглушительно протрещала короткая пулеметная очередь, следом раздался истошный крик и все стихло.

Навыки, приобретенные в Монастыре, не выбьет никакая усталость. Девушка мгновенно поднялась, переворачиваясь на колени, еще в движении на миг закатила глаза, выходя в боевой режим. Рука обхватила цевье карабина, вторая мгновенно опустила предохранитель. Оружие было взведено заранее, но она, подчиняясь вбитой привычке, оттянула затвор. Из-под него выскочил спецпатрон, упал на землю, тревожно краснея своей странной маркировкой на светлом фоне ягеля. Автоматически запомнив, что обойма уменьшилась, девушка скользнула в кусты, возвращаясь к месту привала.

В босые ступни впивались ветки и острые грани камней, но она не обращала на это внимания. Два-три шага, мгновенная остановка, легкое изменение курса. Ствол карабина не останавливается, рыскает из стороны в сторону, выискивая малейшую угрозу. Все тихо, но так даже хуже: скрытая опасность страшнее явной. Густые заросли быстро закончились, девушка скользким шагом продолжала двигаться вверх, нащупывая подошвами каждый камень. Ей очень не хотелось упасть рядом с местом, где так страшно кричат и стреляют.

На месте привала все осталось почти по-прежнему — четверо крепких мужчин и пять темно-зеленых рюкзаков. Но даже издалека она сразу поняла — здесь все кончено. Командир лежал возле самой канавы, его голову скрывал слюдяной отвал, двое поисковиков изломанными куклами развалились возле своих камней, третий был чуть подальше в такой позе, будто его туда отбросило. Никто не шевелился.

Нервно поводя карабином, девушка направилась вверх по склону, огибая стоянку по крутой дуге, стараясь не пропустить взглядом ни одного уголка, где мог бы затаиться неизвестный враг. Внезапно она замерла, оружие дрогнуло, руки на миг ослабли. На снежном языке, выползающем из канавы, виднелся отчетливый след. С такого расстояния трудно разглядеть подробности, но было ясно — его не мог оставить никто из оперативников. Для этого необходимо хорошо разбежаться, прыгнуть примерно на четыре метра, оттолкнуться ногами от снежной подушки и улететь еще дальше — на дно рва. Поисковикам это было ни к чему. Противник все еще оставался там, по крайней мере практикантка на это надеялась.

Действовать нужно быстро: враг может уползти по дну канавы, а она тянется почти на сотню метров, дно практически не просматривается. Девушка рванула застежку вытянутого подсумка, горячую ладонь приятно остудил прохладный металл ребристой «лимонки». Усики чеки были согнуты в стороны, но она рванула кольцо с такой яростной силой, что даже этого не заметила, плавно разжала пальцы. Стальная скоба отлетела в сторону, жалобно звякнула на камнях; выждав одну секунду, практикантка ловко швырнула спецгранату в цель, быстро припала на колени, опасаясь пострадать от осколков.

Близкий взрыв довольно болезненно ударил по ушам, выбросил из канавы кубометр снега, перемешав его со слюдой. Где-то рядом басовито прогудел увесистый осколок, среди скальных останцев загуляло эхо. Вскочив, девушка бросилась вперед, непрерывно стреляя в облако дыма и пыли. В голове четко работал счетчик боеприпасов, она прекратила стрельбу в десяти метрах от канавы, одним слитным движением выщелкнула пустую обойму, вставила новую. Карабин взводить не пришлось: последний патрон оставался в стволе.

Встав над канавой, она не сдержала досадного вскрика. Здесь ее никто не ждал. След уходил дальше, в ту сторону, где противоположный конец выработки скрывался в зарослях стланика. Враг не стал продолжать схватку; перебив оперативников из засады, он немедленно ушел, не связываясь с настороженной практиканткой. Что ему одна-единственная девушка при таких аппетитах? В этой дикой местности делать больше нечего: забрав четыре жизни, он выиграл себе несколько лишних часов существования. Убивая дальше, противник может дойти до густонаселенных мест или объектов повышенной опасности и тогда...

А ведь начиналось все довольно неплохо.

Часть первая

СКАЗОЧНАЯ ТАЙГА

ГЛАВА 1

— Ветрова Алина по вашему приказанию прибыла!

Девушка статуей застыла в дверях. Она с горечью поняла, что прибыла самой последней. Задержка произошла по вине приемщицы, но всякие оправдания здесь бессмысленны. Вытянувшись по стойке смирно, Лина немигающим взглядом уставилась поверх макушки Мюллера.

Никто не мог сказать, почему эта грозная женщина носит такую странную мужскую кличку, хотя нельзя не признать — прозвище ей здорово подходило. О настоятельнице вообще мало что было известно достоверно. Великой тайной являлось все: от возраста до имени. К ней всегда обращались обезличенно или, очень редко, по должности. Сколько Лина себя помнила, Мюллер всегда была неизменной: крупная мужеподобная женщина с короткой стрижкой, грубым голосом, в неизменном брючном костюме темно-синего цвета. Самая избитая сплетня, обыгрывая все эти факты, уверяла, что настоятельница является плохо замаскированным мужчиной, кое-кто заикался даже о гермафродитизме. Некоторые недалекие воспитанницы опускались до того, что пробовали строить глазки, что приводило к очень негативным последствиям.

Сама Лина иногда думала, что их грозная наставница — вообще не человек. Невозможно было поверить, что подобное существо могло зародиться и вырасти естественным путем. Ленка, регулярно посещающая своих родителей, часто пересказывала подругам содержание различных гражданских фильмов ужасов. Некоторые просто до боли напоминали настоящую биографию настоятельницы: рождение в секретной лаборатории, содержание в бронированной клетке, затем кровавый бунт против создателей. Правда, режиссеры никогда не отправляли своих монстров на пенсию — истязать детей в стенах специфического учебного заведения. Немудрено, вряд ли подобный конец сильно понравится нормальным зрителям.

Почувствовав на себе холодный взгляд, более подходящий тропической анаконде, чем человеку, Лина внутренне поежилась, с

трудом сохранив при этом бесстрастное лицо. Сокрушенно покачав головой, Мюллер язвительно произнесла:

— Ветрова! Как приятно, что ты все-таки надумала посетить наш маленький девичник. Если я когда-нибудь надумаю умирать, то обязательно пошлю тебя за смертью. У меня будут весьма неплохие шансы получить вечную жизнь!

Девушка усомнилась, что смерть настолько неосторожна, что рискнет приблизиться к настоятельнице, и поспешно отчеканила:

— Виновата! Обещаю, это больше не повторится!

— Если бы я верила вашим лживым обещаниям, здесь бы давно дымилась радиоактивная пустыня! Встать в строй!

— Есть!

Лина поспешно пристроилась рядом с двумя подругами, тихо радуясь, что благодаря своему невысокому росту ей не надо расталкивать их в стороны. Вытянувшись в струну, она замерла, сливаясь с окаменевшими старшими воспитанницами. Посверлив ее тяжелым взглядом, Мюллер, сложив руки за спиной, заявила:

— Раз уж вы все соизволили наконец явиться, то можно приступать к делу. Сразу огорчу плохим известием: наше руководство приняло окончательное решение. Оно посчитало, что вам больше нечего нежиться в стенах нашего курортного заведения. Что ж, лично я этому рада! Избавившись от трех никчемных дармоедок, мы сэкономим немало продовольствия. К моему великому удивлению, дегенераты, в силу чудовищного недоразумения командующие отделом распределения, не стали направлять вас сразу на панель, где вам самое место. Вместо того чтобы использовать шалавы по прямому назначению и получить для Ордена хоть немного денег, они решили по-своему. Впрочем, может, это и верно, с такими отвратительными рожами, как у вас, придется в поте лица вкалывать круглые сутки, чтобы заработать на буханку черного хлеба. Не так ли?

— Так точно!!! — хором выкрикнули девушки.

— Рада, что вы со мной согласны! Ну что же, целых два месяца вы проведете вне стен вашего любимого заведения, работая в различных филиалах Ордена. Если наши руководящие дегенераты останутся довольны результатами, то ваша жизнь несколько изменится. Вы получите постоянное назначение и больше не будете меня раздражать своей беспросветной тупостью. Если кто-то из вас собирается провалить практику и еще один год осквернять своей вонючей тушей стены моего почтенного заведения— милости прошу! Но хочу сразу предупредить — ваша жизнь наполнится крайне неприятными моментами, а так как ставить на довольствие я вас больше

не буду, то придется питаться тем, что кто-то уже съел до вас. Есть желающие остаться?

— Никак нет!!!

— Врете! — убежденно заявила Мюллер. — Я вас, шалав, насквозь вижу! Ну да ладно, надеюсь, что хоть эхо моих слов сохранится в ваших пустых головах. Очень не советую опозориться, я обещаю: вас встретят здесь не очень приятно. Подробности опускаю, но клянусь, такого кошмара вы не увидите ни в одном из этих дурацких фильмов ужасов. Запомнили?

— Так точно!!!

— Очень сомневаюсь. Такие дуры, как вы, каждое утро в паспорт заглядывают, чтобы не забыть свою фамилию. Впрочем, неважно. Итак, Меркулова Виктория?

— Я!

— Балтийский регион. Стокгольм. Степанова Елена?

— Я!

— Центрально-Российский. Екатеринбург. Ветрова Алина?

— Я!

— Восточно-Российский. Хабаровск. Все поняли?

— Так точно!!!

— Ну что же, будем надеяться! Не буду вас поздравлять, мне до сих пор не верится, что вы можете понимать членораздельную речь, так что нечего напрасно переводить слова. Немедленно отправляйтесь в канцелярию, там вам выдадут направления, документы, деньги и билеты. До полудня соберите все свои жалкие лохмотья, вас начнут развозить по начальным точкам маршрутов. И не забудьте захватить с собой линейки, чтобы по окончании практики вы могли сравнить друг у друга общий метраж встреченных вами членов. Понятно?

— Так точно!!!

— Ну, это вы точно поняли хорошо и наверняка запомните, даже не сомневаюсь. Марш отсюда! Ветрова, а тебя я попрошу остаться.

«Семнадцать мгновений весны» здесь крутили каждый год. Ленка не выдержала, еле заметно улыбнулась. Реакция была мгновенной:

— Степанова!!!

— Я! — перепуганно выкрикнула девушка.

— Не подскажешь ли нам причину твоего бурного веселья? Кто знает, может, мы посмеемся вместе?

— Виновата!

— Ну, раз виновата, то будем наказывать! Времени до полудня еще вполне достаточно, почистишь все унитазы в учебном блоке.

Глядя на вытянувшееся лицо воспитанницы, Мюллер ехидно поинтересовалась:

— Чем-то недовольна?

— Никак нет!

— Вот как? А мне почему-то показалось наоборот! Ты наверняка хотела успеть сделать прическу на интимном месте и выбрить задницу, а я помешала твоим наполеоновским планам! Но ничего не поделаешь — приказ есть приказ, тебе придется его выполнять. Кстати, если я замечу на унитазе хоть маленькое пятнышко, то вытру его твоей пустой головой, все равно она больше ни на что не годится. Более того, с получившейся прической и своей волосатой, небритой задницей ты отпавишься покорять большой мир. Все поняла?

— Так точно!

— Марш отсюда!

Сказать, что Вика с Леной вышли быстро, это не сказать ничего — они попросту испарились. Лина лихорадочно перебирала в голове все события последних дней. Она была совершенно уверена, что Мюллер собирается устроить ей жестокий разнос, но не знала, за что именно. Самое страшное из прегрешений произошло два дня назад. В читалку учебного корпуса одна из младших тайком пронесла привезенный из отпуска женский эротический журнал. Он поспешно пошел по рукам; Лине удалось увидеть несколько неправдоподобных, каких-то искусственных парней с минимумом одежды или даже вовсе без нее. Но тут вошла инструктор, погнала всех старших на практические занятия. Некоторые из более удачливых девушек уверяли, что на последних страницах можно было хорошо рассмотреть член.

Под рентгеновским взглядом Мюллера Лина почувствовала, что еще немного — и начнет дымиться. Она приготовилась к любой каре, но первые слова настоятельницы едва не выбили ее из равновесия:

— Не передумала?

— Что? — не поняла девушка.

— Как я и говорила, — снисходительно констатировала Мюллер, — вы все беспросветные дуры! Ты хоть смутно помнишь о своем идиотском заявлении?

— Так точно! Оно даже ночью стоит у меня перед глазами!

— Перед глазами у тебя стоит тот вонючий член, который ты так и не увидела в читальном зале. Понравился журналчик?

— Не могу знать! — выкрикнула Лина.

Девушка отчетливо поняла, что пропала окончательно, и пожа-

лела, что до сих пор не похоронена. Ее удивляло только то, что она стоит здесь совершенно одна, ведь в позорном просмотре участвовало довольно много воспитанниц. Но, как бы там ни было, признаваться ни в чем нельзя, иначе пострадают другие подруги. Перед глазами выросла вереница чудовищно грязных унитазов, уходящая в бесконечность. Она поняла, что ее практика накрылась медным тазом. Но Мюллер все продолжала удивлять. Заложив руки за спину, она принялась мерить кабинет от стены к стене:

— По своим психофизическим параметрам ты не соответствуешь требованиям, предъявляемым к составу оперативных групп. Твой рост на семь сантиметров ниже минимально рекомендованного, масса тела тоже невелика, тебя задавит любой рослый противник одной голой силой. Черты характера и вовсе не подарок: ослиное упрямство, ненормальная склонность к обсуждению приказов, эмоциональная неустойчивость, низкая коммуникабельность. Это не те качества, что ценятся среди людей, чья жизнь может зависеть от твоих действий.

Лина слушала настоятельную молча, не дрогнув ни одним мускулом. Но мысленно она не умолкала ни на мгновение, ее губы еле заметно шевелились, дерзко противореча всем высказываниям Мюллера: «Да, я невысокая, но зато очень хорошо прыгаю, достану любого дядю. Легкая, но благодаря этому могу очень быстро передвигаться. Меня не страшит любой противник, ведь мои удары подобны сверкающим молниям. Я упряма, но с блеском выполню любой приказ. Я спокойнее скалы — я сама как скала. А коммуникабельность — откуда ей взяться? С одиннадцати лет я не покидаю стен этого жуткого Монастыря, где не вижу никого, кроме нескольких женщин, других воспитанниц и единственного мужчины — старого привратника Матвея».

Резко повернувшись, Мюллер поинтересовалась:

— Ты хотела что-то сказать?

— Никак нет!

— Хотела! Только боишься до недержания мочи! Вот что я тебе хочу сказать: как сенс ты тоже абсолютно ничего не стоишь, но в Южно-Российском регионе есть неплохая вакансия для полных бездарей. Тебе там найдется довольно неплохое местечко — солнце, фрукты, горячие парни. Будешь дежурить на подхвате во время облегченных вахт. Такой шалаве, как ты, — полная благодать. Ну как?

Судорожно сглотнув, Лина покачала головой, не глядя на Мюллера:

— Не могу согласиться! Прошу вас, позвольте мне пройти выпускную практику в любом оперативном отделе!

— Значит так? — угрожающе пророкотала настоятельница. — Ну что же, можешь радоваться — твоя взяла! В силу чудовищного недоумения ты считаешься лучшей ученицей старшего курса, со всеми вытекающими последствиями. Твоя привилегия — выбор условий практики. Если еще не передумала, то, согласно заявлению, отправишься в оперативный центр города Хабаровска, тебя включат в состав поисковой группы быстрого реагирования. Там частенько случаются ложные тревоги, ты вволю попутешествуешь по непролазным дебрям, цепляя на свою тощую задницу энцефалитных клещей. Может, с оказией даже попадешь в Заполярье. Это далековато, но там частенько не хватает сотрудников, вот и привлекают из соседних филиалов. Летом там очень хорошо — целых два дня в году. По окончании теплой поры в туалет надо прихватывать пилу, иначе не избежать неприятностей. Учти, на твоём месте любая уже давно бы до зеркального блеска вылизала мои ботинки, слезно уговаривая отправить в Южно-Российский регион. Даю последний шанс, ну?

— Хабаровск, — твердо ответила Лина.

— Перечисль? — прошипела настоятельница.

Девушка отчетливо поняла — она сейчас очень близка к тому, что отправится помогать наказанной Ленке. Но даже явственное видение шеренги унитазов не заставило ее изменить своему давно обдуманному выбору:

— Никак нет! Просто прошу вас удовлетворить мое заявление!

— Поисковики тебя удовлетворять будут, разложив прямо на оленьем пастбище вместе с твоим безграмотным заявлением! Не пояснишь ли своей любимой настоятельности, чего тебя понесло именно к ним? Или предполагаешь, что у оперативных работников самые длинные члены?

— Никак нет! Я считаю, что с моим низким уровнем восприятия совершенно нечего делать в центрах обнаружения и аналитических группах. Штабная и координирующая служба не привлекает. Для сотрудников кризисных центров и бойцов спецотрядов мне не хватает физических данных. Я просто не сумею управиться с их тяжелым вооружением. В боевые дружины на практику не берут. Поэтому, на мой взгляд, для меня остается только оперативная или техническая работа. Но к последней меня вряд ли допустят — это прерогатива мужчин.

— А с чего ты вдруг решила, что на оперативной работе нужны такие полные кретинки? — ухмыльнувшись, поинтересовалась Мюллер.

— Я смею надеяться!

— Ну так вот что я тебе скажу про оперативную работу! — От го-

лоса настоятельницы задрожали вековые стены. — Первым делом тебя там обязательно трахнут. Вторым делом — снова трахнут. Тебе придется стараться всюю, обслуживая коллектив горячих мужчин в течение целых двух месяцев. Ты для них будешь просто подарком судьбы, скрасившим скучные будни. Поняла?

— Так точно! — выкрикнула Лина и сжала губы.

— Что-то не нравится?

— Никак нет!

— Конечно, что тут может не понравиться! Все наши проститутки, и ты первая, только и мечтают о такой практике, так что тебе невероятно повезло. Рада?

— Так точно!

— Я в этом и не сомневалась! Но вот что хочу тебе по-дружески посоветовать. Как только окажешься снаружи, немедленно беги в ближайшую больницу и проси, чтобы тебя как можно быстрее стерилизовали. Если ты припрешься сюда после практики беременной, я своими руками немедленно сделаю тебе аборт без всяких инструментов и наркоза. Понятно?

— Так точно!

— Нет, — угрожающе прошипела настоятельница, — ты меня так и не поняла. Посмотри сюда!

Перед лицом Лины замерла огромная ладонь, габаритами и формой напоминающая помятую штыковую лопату. Бугрились гипертрофированные костяшки указательного и среднего пальцев, ребро ладони было покрыто окостеневшей, мозолистой кожей. Девушка внезапно вспомнила ночные страшилки о том, как Мюллер рубила руками головы плохо успевающим воспитанницам. Сейчас они уже не казались ей смешными, она автоматически сжала свои слабые кулаки. С начала обучения Лина хорошо понимала, что вряд ли сможет когда-нибудь дробить каменные стены, и не стала развивать технику разрушения твердых предметов, для чего требовалось сурово закалять руки в ущерб ловкости пальцев. По сравнению с кулаком настоятельницы ее собственный выглядел просто младенческим.

— Рассмотрела? — спросила Мюллер.

— Так точно!

— Запомни: вот этими руками, без инструментов и наркоза! Вон отсюда!

Сказать, что выпускница выскочила из кабинета быстро, — значит не сказать ничего. Закрыв за собой дверь, она едва не упала от противной слабости в коленках. Столь долгое общение с Мюллером могло свалить с ног молодого индийского слона. По коридору пром-

чались три ученицы из младшей группы, сочувственно покосились в ее сторону. Тряхнув головой, девушка снялась с места, упругим, легким бегом направляясь в сторону канцелярии. Возле входа ее дожидались Вика и Ленка. Завидев в их руках большие конверты, она издали воскликнула:

— Вы уже все?

— Там дел всего на одну минуту, — ответила Вика. — Как ты?

— В одной секунде от инфаркта, — вздохнула Лина.

— Чего она тебя оставляла? — нетерпеливо спросила Ленка.

— А, так! Усиленная клизма. Тебе не повезло гораздо больше.

— Ладно, я побежала. Надо еще успеть отдраить эти проклятые унитазы.

Ленка исчезла, а Вика поинтересовалась:

— Ну как?

— Опергруппа. Мюллер хотела загнать на юг, но я не отказалась от своего заявления.

— Дурная! Да туда половина наших мечтает попасть! Тем более на лето! Хоть бы море увидела!

— Нет. Это не для меня. А в местной опергруппе вакансий никогда нет, ты же сама понимаешь, туда очередь на век вперед.

— Значит, Хабаровск?

— Да. Прививки от энцефалита сделаны, так что меня здесь больше ничего не держит.

— Ладно, я побегу, а то кому-нибудь на глаза попадемся и будем дружно Ленке помогать.

Встав на пороге канцелярии, Лина бодро отрапортовала:

— Ветрова Алина! Прибыла для получения сопроводительного пакета на выпускную практику!

Рината Павловна медленно подняла голову. Эта седеющая крупная женщина отличалась редким для Монастыря благодушием, она была одной из немногих сотрудниц, повадками и обликом не напоминающей сторожевых овчарок, выращенных на человеческом мясе. Воспитанницы между собой нежно величали ее Буренкой. Приветливо кивнув выпускнице, она ласково произнесла:

— Присядь, Алина.

Видя замешательство девушки, Рината Павловна покачала головой:

— Малышка, тебе надо привыкать. Там, снаружи, никто ведь не поймет, если ты станешь вскакивать по стойке смирно от любого громкого слова.

Девушка нерешительно присела на край стула. Она действительно чувствовала себя не слишком удобно, расслабляясь в присут-

ствии штатного сотрудника Монастыря. Буренка тем временем встала, ушла за стеллаж, заставленный пухлыми папками и боксами с компьютерными дисками, позвенела посудой, вернулась с маленьким подносом, поставила его на стол. Подвинув чашку в сторону Лины, она ласково произнесла:

— Выпей чаю, тебе надо хоть немного успокоиться после беседы с настоятельницей.

— Я спокойна! — чуть ли не выкрикнула девушка.

Укоризненно покачав головой, Рината Павловна произнесла:

— Неужели ты думаешь, что так легко обманешь Буренку?

Лина, услышав кличку, смутилась, а женщина, улыбнувшись, продолжила:

— У тебя руки немного дрожат, да и присела ты с явным облегчением. После беседы с нашей строгой настоятельницей у многих отказывают ноги, причем не только у воспитанниц. Пей чай и обязательно попробуй печенье. Оно не из магазина — домашнее, мне сестра вчера прислала. Такого ты еще не ела, гарантирую.

Лина послушно поднесла чашку к зубам, неловко звякнула зубами о край.

— Крепко тебе досталось, — посочувствовала Рината Павловна. — Что она хотела? Требовала забрать заявление?

— Так точно!

— Алина! Успокойся немедленно! Забудь про свой казарменный лексикон. В этом кабинете тебя никто не тронет, честное слово. Расслабься, считай, что перед тобой сидит одна из подружек. Ты же не обращаешься к ним по правилам учебного устава?

— Никак нет! То есть... — Лина смутилась. — Извините, мне трудно говорить с вами как с обычным человеком.

— Понимаю. От подобных привычек очень нелегко отказываться. Ты, наверное, боишься, что в большом мире тебе придется нелегко?

— Да. Я в Монастыре с одиннадцати лет.

— Знаю. А до этого с трехлетнего возраста воспитывалась на Алтайской базе, что немногим лучше. Не так ли?

— Так точ... То есть да.

Широко улыбнувшись, Рината Павловна мягко произнесла:

— Не бойся, все будет хорошо. Мир сложен и прост одновременно, человек такое неприхотливое создание, что быстро привыкает ко всему. Тебе до смерти надоел наш Монастырь, но и большой мир представляется чем-то опасным, совершенно неизвестным. Ведь так?

— Да. Вы правы. Восемь лет я не удалялась от Монастыря дальше главного полигона. Здесь нет телевидения и радио, вся инфор-

мация о внешнем мире идет от немногих урезанных газет и рассказов подруг, изредка посещающих свою родню. Иногда мне кажется, что, кроме этих зданий, стрельбищ и учебного полигона, здесь больше ничего нет.

— Не переживай, — тем же мягким тоном произнесла Рината Павловна. — Еще до вечера ты убедишься, что это не так. И не бойся большого мира, это он должен тебя бояться.

— Почему? — изумилась девушка.

— Милая моя, посуди сама. Когда тебя восемь лет назад привезли в Монастырь, ты, после Алтайской базы, уже выделялась на фоне остальных учениц своей великолепной физической подготовкой и молниеносной реакцией. Здесь, под руководством наших опытных наставниц, из тебя сотворили то, что в современных фильмах называют машиной смерти.

— Я такой фразы не слышала.

— Немудрено. Вам попросту не показывают такие фильмы. Наша уважаемая настоятельница считает своей главной задачей оградить вас от разлагающего воздействия современной загнивающей культуры. Но мы немного отвлеклись от главной темы. Сейчас, после восьми лет сурового обучения, ты можешь не бояться практически ничего. В большом мире много различных опасностей, но тебе не стоит их слишком опасаться. Наши технологии обучения очень древние и совершенствуются с каждым годом. Если бы подобными методиками обладала какая-нибудь страна, ее руководство могло всерьез рассчитывать на мировое господство. Так что не бойся, в крайней ситуации ты всегда сможешь воспользоваться боевыми навыками, мало кто в большом мире сумеет с тобой сравниться.

— Но я применяла их только в обычных учебных схватках!

— Не переживай. Наше обучение бесследно снимает с воспитанниц множество обычных моральных запретов. В случае необходимости ты убьешь, даже не задумываясь и без всякого сожаления. Ты ешь, ешь, печенье очень хорошее.

Чуть помолчав, Рината Павловна как-то нерешительно произнесла:

— Послушай, Алина, а может, тебе и правда лучше остаться в каком-либо региональном центре на более спокойной, приятной работе? Нет, не дергайся так возмущенно, я просто рассуждаю вслух. Ты ведь не просто молодая девушка — у тебя совсем нет навыков практической работы. Не делай такие страшные глаза — это действительно так. Да, я прекрасно знаю, что ты можешь перепрыгнуть через двухметровую стену, с закрытыми глазами разобрать станковый гранатомет и легко справишься с управлением современного боево-

го вертолета, если вдруг в этом возникнет насущная необходимость. Но пойми, с этими агрессивными способностями ты — простая боевая машина. Да, вряд ли с тобой сможет сравниться хоть кто-то из будущих коллег. Большинство оперативников прошли укороченные, простые курсы и не слишком рьяно поддерживают свою физическую форму. Полных выпускниц Монастыря очень немного, мы не воспитываем кого попало, вас тщательно отбирают с детских лет, большинство отсеивается в ходе обучения. Но у них есть свое преимущество — опыт и знания, которые невозможно получить теоретическим путем. Учти, физическая подготовка для оперативников вовсе не главное. В случае, если ситуация действительно потребует жестких мер, они сразу вызывают мобильную группу поддержки. Подоспевший спецотряд может легко превратить в лунную поверхность несколько гектаров, вот для этого им и нужна большая физическая сила. Но тебя туда никогда не примут, сама понимаешь: не та комплекция, ты попросту не удержишь тяжелый «Тайфун». Прости, но с твоим телосложением прямая дорога в балерины.

— А Нельма?

— Ты видела эту женщину, ставшую легендой еще при жизни?

— Нет, конечно!

— В ней было под два метра роста, центнер мускулистого тела. При таких габаритах она, не снимая брони, пробегала стометровку менее чем за одиннадцать секунд. Ребром ладони легко перебивала стопку кирпичей, без труда могла порвать толстую книгу. Я могу долго перечислять ее невероятные достижения, но, думаю, общую идею ты уловила.

— Да.

— В оперативной группе ты можешь прийтись не ко двору. Там свой, довольно сплоченный коллектив, они прекрасно знают достоинства и недостатки друг друга. Если повезет, ты до конца практики будешь просто готовить им кофе. В худшем случае можешь стать серьезной помехой их работе, достаточно взглянуть на себя в зеркало повнимательнее. Более того, все они неплохие психологи и быстро вычислят, где ты проходила свою подготовку. Отношение к нашему заведению довольно неоднозначное, ты не поверишь, сколько в Ордене циркулирует нелепых слухов о воспитанницах. Мало кто считает вас нормальными людьми, так что готовься к весьма специфическому отношению.

— А при чем здесь зеркало?

— Алина, ты довольно красивая девушка, а работать придется в классическом мужском коллективе. С твоей неопытностью и пол-

ным незнанием жизни могут возникнуть весьма серьезные проблемы. Я думаю, это почти неизбежно.

— Зачем тогда нас держат здесь как в концлагере? Как мы можем подготовиться к нормальной жизни?

— Ответов тут несколько. Во-первых, выйдя из этих суровых стен, вы будете обладать чистым, незамутненным сознанием, что наряду со специальной подготовкой зачастую дает весьма неплохие результаты. По-другому этого не добиться, поверь, экспериментов было множество, но лучше Монастыря еще никто ничего не создал. Во-вторых, на время выпускной практики девушек размещают в региональных центрах. Там к ним уже давно привыкли, пристраивают в смешанные коллективы аналитиков или сенсов, есть специальные сотрудницы, помогающие им в разных житейских вопросах. В общем, все неплохо отлажено. Но тебе придется отправиться в рядовую опергруппу, где придется рассчитывать только на себя. Понимаешь?

— Да.

— Но вряд ли себе представляешь, чего это будет стоить. Ты ищешь легких путей. Почему именно опергруппа?

— Я твердо считаю, что только в ее составе могу реализовать свои способности.

— Может, и так, — согласилась Рината Павловна. — Однако всем хорошо известно: роль оперативников в жизни Ордена весьма скромна. Боевые ситуации в их работе скорее исключение, чем правило. В основном нудные рутинные проверки. Ты наверняка мечтаешь о большем. Я ведь отлично вижу твою целеустремленность.

— Каждый мечтает о большем.

— Хочешь стать членом боевой дружины?

Лина сама не заметила, как заговорила помимо воли:

— Да. И я не вижу ничего плохого в таком желании.

— Ты видела фотографии в фойе. Очень многие из этих девушек были оттуда. Почти все они погибли, так и не дожив до зрелых лет.

— Я не боюсь смерти!

— Глупышка, да ты просто еще не знаешь жизни. Твои шансы попасть в боевую дружину пренебрежительно малы. Такими, как ты, там полы по вечерам подметают.

— Это моя жизнь и моя мечта! — чуть не выкрикнула Лина. — Почему все вокруг хотят мне помешать?!

— Ну что ты, не волнуйся так сильно, — успокаивающе протянула Рината Павловна. — Не надо так переживать. Просто мне страшно, что с тобой будет, когда сама поймешь — мечта недостижима. Такой удар ты воспримешь очень тяжело.

— Переживу!

— Ну что же, — вздохнула женщина. — Это действительно твоя жизнь.

Выдвинув ящик стола, она достала плотный коричневый конверт, принялась отдавать последние инструкции:

— Здесь документы. По ним ты, Ветрова Алина Игоревна, — сотрудница федерального бюро охраны атомных объектов мирного назначения. Возраст двадцать один год — ты не намного младше. Таким образом, мы почти ничего не меняли в реальных данных. Паспорт, водительские права, пропуск, удостоверение, разрешение на ношение оружия. Вот.

Рината Павловна выложила рядом с пакетом зарядное устройство к телефону и кобуру с пистолетом.

— Патроны вполне обычные, стандартные, но оружием старайся не светить, в большом мире это не принято. Чем меньше ты привлекаешь к себе внимания, тем лучше. Авиабилет до Хабаровска, в аэропорт тебя привезут на машине, она уже заказана. Немного наличных денег, кредитная карточка — пользуйся ею свободно, только «мерседес» покупать не стоит. Мобильный телефон. Оплачивать разговоры не надо, это не твоя забота. На цифру «1» завязан диспетчер Восточно-Российского региона, «2» — дежурный по Монастырю, в памяти много и других полезных номеров, но, чтобы их увидеть, введи свой персональный код. Как приедешь, можешь позвонить по номеру, завязанному на цифру «0»: это руководитель филиала — Панарин Игорь Владимирович. Все, можешь быть свободна, — почти сухо произнесла Рината Павловна и добавила: — Рекомендую принять перед дорогой душ, кто знает, когда им можно будет воспользоваться в следующий раз.

— Я могу идти?

— Да. И помни: даже в наших стенах никому нельзя верить, а за ними — тем более. Рассчитывай только на себя.

Выйдя из канцелярии, Лина энергично потеряла виски. В течение беседы у нее возникло стойкое давящее ощущение. Она подозревала, что милейшая Буренка ее попросту наглым образом пыталась прозондировать и что-то внушить. Но девушка была начеку, она и без ее советов не отличалась излишней доверчивостью. Легкой трусой забежав в фойе, она резко затормозила: в дверях на улицу стояла Кобра. Рослая инструкторша не видела девушку, она смотрела на улицу, где мимо здания пробегала спаренная колонна младших учениц. Все были жестоко одеты в душный зимний камуфляж, на плечах расхлябанно болтались большие армейские автоматы. Задняя пара, наказанная за какие-либо незначительные проступки,

пыхтела изо всех сил, стараясь не отставать. Они тащили ящик с патронами.

Проскочить незамеченной было невозможно, а показываться инструкторше на глаза — чревато: у Лины до сих пор побаливала голень с их прошлой встречи. Кобра с удовольствием старалась завести со старшими воспитанницами душевный разговор, чтобы в самый неожиданный момент нанести коварный удар. Она называла этот мерзкий садизм мероприятиями по сохранению бдительности. Иногда эта гестаповка приказывала какой-нибудь соплюхе из младших сунуть в чей-нибудь бок жало шокера или сотворить другую подобную пакость. После ее мероприятий некоторые едва не оставались заиками и вздрагивали от собственной тени. Лина осторожно нащупала пистолетную рукоять, не видную под форменной курткой. Усмехнувшись, она подумала, что если пристрелит инструкторшу, то станет местной легендой. Возможно, ей даже ничего за это не будет. Кобру недолюбливали, и всегда можно сослаться на то, что она сама спровоцировала выстрел. Этому охотно поверят многие.

Как бы почувствовав, что дело пахнет керосином, Кобра упругим шагом последовала вслед за ушедшей группой. Лина, облегченно вздохнув, немедленно бросилась к жилому корпусу. Надо было успеть сдать постельное белье, помыться, собрать вещи. К полудню необходимо все закончить, времени осталось не так уж много.

Рината Павловна, коротко постучав, зашла в кабинет настоятельницы. Та, подняв голову от бумаг, откинулась на спинку стула, вытащила из-под столешницы пачку сигарет, ловким щелчком выбила парочку. Одну протянула начальнице канцелярии, вторую поднесла к настольной зажигалке. Обе женщины с удовольствием затянулись. Выпустив первый глоток дыма, настоятельница поинтересовалась:

— Ну и?

— Глуха и слепа.

— Плохо уговариваешь, Буренка. Теряешь форму: твое печенье еще декабристов помнит, девчонка наверняка все зубы переломала.

— Не нравится — устрой сюда штатного психолога, пусть старается.

— Нельзя.

— А что такого? Немного понатаскаем, зарплату предложим — как у министра нефтяной промышленности.

— У нас она сама быстренько с катушек съедет, даже недели не протянет.

— Тогда не лезь к моему печенью, Мюллер!

Загушив недобитую сигарету, настоятельница заявила:

— Готовь документы на отчисление Ветлугиной.

— А ее-то за что?

— Потенциальная лесбиянка.

— Да у нас только Матвей не потенциальная лесбиянка! Что ты хотела от воспитанниц — их половое созревание проходит в этих стенах, среди подружек и сотрудниц. Бедняжек может возбудить один вид мумии фараона!

— Это их проблемы. Вся энергия должна идти на подготовку, если у кого-то гормоны прут не в ту сторону — ей здесь не место. У нас все-таки Монастырь, а не вертеп. Нечего позорить тех, чьи фото и портреты висят у нас в фойе.

— Ну ты даешь, — усмехнулась Рината. — Скоро начнешь выражаться не хуже нашей Каркуши.

— Кто б мычал! — усмехнулась настоятельница. — Ладно, вернемся к нашим баранам. Как тебе общее впечатление?

— Сыровата!

— Что ты хотела? Девятнадцать лет. Детство в заднице гуляет. Меня больше интересует эмоциональная сфера, а именно — не сбрендит ли она вконец?

— Практически все наши выпускницы эмоционально неустойчивы в большей или меньшей степени. Процент самоубийств и случаев немотивированной агрессии просто невероятен. Мы с детских лет калечим их души, но, одновременно, не даем загрузеть окончательно. Результаты налицо.

— Ты можешь предложить другую методику обучения? Наши малютки готовы зубами грызть танковую броню, если это потребуется для выполнения приказа. На Гавайях бывшая воспитанница недавно всмятку отметелила четырех доблестных морских пехотинцев, как грудных младенцев!

— Да знаю! Эти герои, кстати, на нее заявление в полицию написали. Не постыдились.

— А что ты хотела — Америка! Правовое государство. Круче наших малышей нет никого, если, конечно, не считать монастырских мальчиков. Но их готовят аналогично, с тем же отсевом. Так ты говоришь, сыровата?

— Да. И думаю, работа в опергруппе ей не очень пойдет на пользу.

— Но и не помешает. Пусть посмотрит на жизнь без всяких нянек — сама напросилась, мы не виноваты.

— Не боишься? Жизнь со всеми доступными соблазнами! Это же простая девчонка — вдруг пустится во все тяжкие. Эмоциональная неустойчивость, сама понимаешь.

— Мы не сможем ее водить всю жизнь за ручку. Хочет научиться

плавать — пожалуйста. Бросим в воду, пусть выкарабкивается, как знает.

— Может, оно и верно. Опасные моменты у оперативников бывают очень нечасто. Так что вряд ли ее жизни будет что-то угрожать.

— Согласна. Не хотелось бы глупо потерять эту многообещающую воспитанницу во время прохождения обычной выпускной практики.

— Ясное дело. Ну так как там, по поводу Ветлугиной?

— Отчисляем! Без всяких разговоров и объяснений. К чему придраться — всегда найдется, о настоящей причине даже не заикаемся.

— Ей пятнадцать, она уже неплохо подготовлена.

— На Алтайскую базу. Там доучат, без дела не останется, а при тамошних парнях о своих фантазиях позабудет.

— Будем надеяться.

Дверь открылась без стука, на пороге пустой казармы выросла младшая воспитанница:

— Старшая учащаяся Ветрова! За вами пришла машина!

— Брысь отсюда, зародыш! — цыкнула Вика.

Младшую сдуло в один миг, подруги обнялись, прощаясь. Им никто не мешал, все здешние воспитанницы были сейчас на занятиях.

— Ничего, будем перезваниваться, — сказала Лина.

— Эх! Жаль, что мы с тобой не вместе!

— Ты же знаешь, так не положено.

— Все равно! Вместе мы сила! Давай! И не забудь телефоны, мой и Ленкин.

— Давай! Думаю, тебя тоже скоро увезут.

Время уже приближалось к двум часам дня. Лену забрали сразу после полудня; выпускниц всегда вывозили поодиночке, рассчитывая доставить к поезду или самолету, чтобы они не шатались без дела. Лина вышла во двор, чувствуя себя довольно странно. Впервые она шла через плац простым шагом. По дворовой территории Монастыря и широким коридорам учебного и административного зданий разрешалось передвигаться только легким бегом. Бесцельное стояние или несколько обычных шагов карались довольно строго. Но сейчас ее плечо оттягивала огромная спортивная сумка, на спине болтался маленький рюкзак. Ее никто не станет заставлять бегать с такой ношей.

Дойдя до середины плаца, она едва не застонала в голос. Наперез спешила Каркуша. Спаслись было совершенно невозможно, Лина поспешно напустила на себя дебильно-возвышенный вид. Воспитательница Инга Николаевна имела огромную страсть к про-

изнесению идиотских патетических речей. Она была настолько тупой, что даже не подозревала о своей тупости. Ее терпели за мастерское обращение с младшими воспитанницами, многие девочки в возрасте от десяти до двенадцати лет слушали ее, разинув рты, но к тринадцати неминуемо обгоняли свою воспитательницу в интеллекте, она становилась им неинтересной. Те, кто продолжал прислушиваться, безжалостно отчислялись. Полные дуры в Монастыре не приветствовались.

— Алиночка, что же ты ко мне не зашла на прощание!

— Виновата! Не хватило времени!

— Ты могла не собирать вещи, но зайти ко мне просто обязана!

— Виновата! Исправлюсь!

— Ладно. Я все-таки тебе кое-что на прощание скажу. Слушай меня внимательно, столь важных слов тебе еще никто не говорил! Поняла?

— Так точно!

— Знай, перед тобой сейчас откроются двери большого мира. Ты не должна там забывать о нашем Монастыре и его правилах. Помни: ты являешься носителем его чести, не посрами ее неблагоприятными поступками. Не забывай о тех, чьи фото и портреты вывешены в административном здании. Поклянись, что приложишь все силы для того, чтобы твое изображение появилось среди них!

Приняв самый глупый вид, Лина выкрикнула:

— Клянусь приложить все силы, чтобы погибнуть при прохождении практики!

— Ты что несешь? — охнула Каркуша. — Что значит погибнуть?

— Но, Инга Николаевна, — вид Лины был сама невинность, — ведь, чтобы попасть на стену фойе, надо сначала погибнуть при выполнении долга или как минимум умереть своей смертью, получив до этого множество высших наград. За два месяца я просто не успею этого добиться, придется погибать геройской смертью при выполнении приказа!

Воспитательница растерянно захлопала глазами: этот момент она совершенно упустила из виду. Инструкторы, собирающиеся на плацу для послеобеденного разбора групп, стали ехидно посмеиваться. Инга Николаевна, поняв, что надо быстро закругляться, поспешно заявила:

— Ладно, Ветрова, можешь идти. Не забудь мои слова!

— Так точно! Буду стараться!!!

Инструкторы откровенно рассмеялись, воспитательница покраснела, как переспевший помидор. Лина направилась к парадным воротам — там, у калитки, уже нетерпеливо переминался Матвей.

Это была еще одна интригующая местная легенда — единственный мужчина, работающий в Монастыре. Возраст его был неизвестен, но по виду он вполне годился в прадедушки библейским старцам. Вместо ног у него были скрипучие зловещие протезы, на руках в сумме набиралось всего семь пальцев, голова была совершенно лысой и сплошь покрытой ужасными шрамами, ушей не было, а левый глаз скрывала черная повязка. По всеобщему мнению учениц, члена у него тоже не было, причем скорее всего с самого рождения. Никто и никогда не смог поймать на себе его заинтересованный взгляд. Про него ходило много разных слухов — от смешных до очень страшных. Лине особенно нравилась избитая сплетня о том, что он — бывший любовник настоятельницы. Та обгрызла его собственными зубами, как поступают самки пауков «черная вдова» со своими бедными дружками после спаривания, но до конца не доела и, пожалев, оставила на легкой работе — следить за парадным входом.

Покачав своей бугристой головой, Матвей угрюмо буркнул:

— Сколько тебя можно ждать? Я едва последние протезы не стоптал.

— Да я не виновата! Разве от нее можно отделаться!

— Ладно, проходи.

Привратник открыл металлическую калитку, грубо покрашенную мерзкой зеленой краской. Сердце девушки предательски дрогнуло, она ступила вперед. Остановилась, оглянулась. На нее смотрели с плаца все инструкторы, а за их спинами возвращалась группа со стрельбища. У них больше не было ящика с патронами, все воспитанницы были страшно грязные, явно не один раз штурмовали Таити — так в простонародье именовалось неизмеримо вонючее тренировочное болото. По слухам, туда ежегодно сваливали несколько тонн навоза и дерьма. На этой почве у многих развивалась нешуточная фобия: девочки боялись нечаянно хлебнуть этой мерзкой жижи и подцепить многометровых паразитов.

— Тебе чего, пинка не хватает? — поинтересовался Матвей.

— Прощай, — коротко ответила Лина и направилась к машине.

Водитель поспешно вышел, открыл багажник. Рассмотрев, что это довольно красивый молодой парень, не старше двадцати пяти лет, Лина несколько удивилась. Но и только. Она испытала эмоций не больше, чем при виде древнего Матвея. Бросив сумку в багажник, девушка открыла дверь, села на переднее сиденье. Водитель вернулся, занял свое место, посмотрел веселым, нагловатым взглядом:

— Ну что, красавица, едем или как?

— Поехали, — кивнула Лина.

Но едва водитель завел машину, в боковом окне выросла физиономия настоятельницы. Глядя на девушку своим знаменитым взглядом голодной анаконды, Мюллер покачала растопыренной ладонью, сделала зловещее движение, имитируя проталкивание столбообразной руки в тесное место, в конце совершила жутковатое хватательное движение и резко вытянула лапу наружу. Погрозив пальцем, она отчетливо произнесла:

— Помни! Без инструментов и наркоза!

— Поехали! — чуть не выкрикнула девушка.

Машина тронулась, оставив настоятельницу позади. Лина судорожно вздохнула, только сейчас поняв, что последние мгновения совершенно не дышала.

— Чего это она? — нервно поинтересовался водитель.

Лина осторожно посмотрела в зеркало заднего вида. Увидев, что ворота Монастыря скрылись из виду, девушка мгновенно успокоилась, небрежно ответила:

— Это наша уборщица. Она дурочка с рождения, еще в утробе матери менингитом переболела, та ее в роддоме бросила.

— А что это за странный жест рукой? Меня аж передернуло.

— Это у нее клептомания. Хотела у меня что-нибудь стырить, но не успела. Вот и показывает пантомиму, как это можно было сделать.

— Выгнать ее надо, — убежденно заявил водитель. — У меня от нее до сих пор мороз по коже. Такой взгляд только в зоопарке увидишь!

— Ничего. Работник из нее довольно хороший. Видел бы ты, как здорово она чистит унитазы.

— Меня Русланом звать, а тебя?

— Жаклин, — не моргнув глазом ответила Лина.

— Неплохое имя!

— Это в честь моей героической прабабушки, — похвасталась практикантка. — Она француженка. В годы войны участвовала в Сопротивлении, заражала фашистов сифилисом. Видел бы ты, сколько у нее боевых наград — полк гитлеровцев из строя вывела!

Водитель замолк, потрясенно переваривая полученную информацию. Девушка расслабленно откинулась на спинку сиденья, она только сейчас окончательно поняла, что действительно вырвалась за стены Монастыря и Мюллер со своими abortирующими жестами осталась далеко позади. Машина шла очень быстро, увеличивая разрыв с каждой секундой.

• Боевая единица •

И нет в сердцах страха, нам он неведом.
И хищным зверем станет каждый из нас.
И устрашится враг, заслышав наш рык.
И когти наши будут расти из Монастырей...
Орден. Тест памяти «Первая Клятва»

ПРОЛОГ

Фарчет Нгбор стоял на маленьком рукотворном холме. Еще при подходе к этому месту он коснулся сознания своей стаи и определил, что перед ним действительно искусственное сооружение. Сканирование объекта показало однородно-хаотическую внутреннюю структуру, за исключением центральной части. Там располагалось несимметричное сооружение из твердых частей местных растений, внутри него виднелись обожженные части скелетов двух аборигенов и большого числа копытных животных. Среди костей можно было различить предметы хозяйственного назначения и образцы примитивного оружия.

С таким оружием гладкокожие двуногие аборигены пытались дать отпор объединенной стае двух квари. Фарчет Нгбор не ожидал, что они решатся на подобную дерзость, так что дикари застали его врасплох. Он просто не успел остановить рывок голодных служак — те смели добычу одним мощным, сокрушающим ударом голой силы, вырвав жизни из грязных тел. Жаль, а высшие поэтому остались без забавного зрелища. Но кто же мог ожидать, что мясо окажется безрассудным настолько, что решится на сражение с демонами?

Из-за ближайшего жилища, сделанного из тех же растений и грубо выделанной кожи копытных животных, вышел Майр Габор. Фарчет встряхнул левой боевой конечностью, вызвав треск хитиновых пластин, показывая этим красноречивым жестом свое отношение к неумному любопытству юного князя. Ну что можно найти интересного в этом диком поселении на бедной далекой планете? Однако молодой квари упрямо заглядывал во все доступные углы. Наставник не раз делал прозрачные намеки на то, что подобное поведение может сказаться на статусе, но тщетно — завуалированные угрозы не оказывали ни малейшего эффекта.

— Нашел ли ты большие ценности в этом селении грязных пожи-

рателей кала? — издали поинтересовался Фарчет Нгбор, не скрывая насмешки.

— Ценностей здесь нет, — ответил молодой князь.

— Ничего удивительного, даже фиболо со своей страстью к сбору разной рухляди не нашли бы для себя ничего подходящего. Этот мир нищ и холоден, я не хочу здесь больше оставаться.

— Но мы еще не накормили наши стаи. Слуги голодны, многим из них не пережить холод межпространства.

— И не накормим. Этот планетоид беден, не думаю, что его населяет больше полумиллиона разумных особей. Их раса слаба, а местные хищники огромны и сильны, жаль только, что в них так мало горячей жизни. Здесь почти нет ресурсов, мы с тобой можем странствовать годами, но так и не накормим стаи досыта. Как на подобных просторах разыскивать столь малые поселения?

— Да. И эти аборигены хитры, они не сидят на месте, перемещаются по поверхности планетоида вместе со своими жилищами и животными. Фарчет Нгбор, я вижу странное зрелище, оглянись же.

Зрелище и впрямь было удивительное — меж рукотворных холмов шел абориген. Моторика и состояние кожных покровов свидетельствовали о его преклонном возрасте, кусок древесины в руках, покрытый спиральными узорами, выполнял функции дополнительной точки опоры, а не оружия, как сперва подумал было Фарчет Нгбор. Тело старого самца закрывало одеяние из шкур мелких животных с густой шерстью, на шее висело несколько ожерелий из клыков животных и высушенных пальцев дикарей.

Преодолев первую растерянность, молодой князь произнес:

— Как он смог остаться живым после удара стаи?

— На этот вопрос у меня нет ответа, — признал Фарчет Нгбор.

— Может, он в тот момент был слишком далеко? — неуверенно предположил Майр Габор.

— Не произноси пустые слова. Этот абориген очень стар, он не смог бы пройти за это время большое расстояние. Даже на спине животного невозможно двигаться так быстро. Он смог выдержать удар.

— Но как это могло получиться? — изумился молодой князь.

— У меня нет ответа на твой вопрос. Но сейчас мы будем его искать.

К этому моменту старый самец приблизился к подножию холма, остановился, поднял свой кусок растения, направил его на князей квари, начал издавать протяжные, ритмичные звуки.

— Что он делает? — вновь изумился Майр Габор.

— Ответа нет, — признал Фарчет и ударил аборигена легкой волной.

Дикарь пошатнулся, издал протяжный, заунывный звук, выпрямился, вновь выставил кусок растения. Было заметно, что его движения стали менее уверенными, но других последствий удара не наблюдалось. Старый князь едва верил своим органам чувств — разум отказывался принимать столь дивный факт. Не сдержавшись, он обрушил на аборигена всю свою силу, не просто вырвав из его тела жизнь, но и растворив ее в пространстве без всякой пользы. Впрочем, сколько ее было, той жизни, в этом скрюченном теле?

— Он все-таки умер, — констатировал Майр Габор.

— Да, но смог пережить первый удар. Я вижу это впервые.

— У тебя есть ответ?

— Нет. Есть мысль, но она может быть далека от истины.

— Мне будет интересна даже мысль, — оживился молодой князь.

— Хорошо, ты ее услышишь. Майр Габор, знаешь ли ты про наследственные признаки, определяющие полный облик созданий этой расы?

— Да, в этом нет ничего удивительного. Стандартный механизм для существ подобного типа.

— На этом планетоиде высокий радиоактивный фон, он способен повредить молекулы белка, несущие наследственную информацию. Кто знает, вдруг слепой случай привел к появлению подобных мутантов, способных защищаться от наших ударов?

— Никогда о подобном не слышал!

— Я тоже. Но Вселенная огромна, кто знает, какие чудеса она скрывает?

— Фарчет Нгбор, ты считаешь, что абориген с такими способностями был не один?

— Да, скорее всего. Их механизм наследования позволяет передавать новоприобретенные признаки потомству.

— Но мы уничтожили все поселение, никто не смог защититься.

— Стая нанесла слишком мощный удар, ты же видел, что такому он не смог противостоять. Если и были подобные аборигены, то погибли. Он остался в стороне, его зацепило краем. Выжил только благодаря этому.

— Интересно. Жаль, что мы убили всех, можно было бы показывать этих дикарей как поразительную диковинку.

— Всех мы не убили. Эти аборигены не могут скрещиваться друг с другом в пределах столь малых обособленных групп. Подобное приведет к быстрому вырождению. Нет, они должны спариваться с жителями остальных поселений.

— Интересно. Фарчен Нгбор, а есть ли польза в подобном знании?

— Неизвестно. Майр Габор, мы нашли то, что удивляет. Теперь у нас есть другая цель.

— Мы не станем преследовать фиболо?

— Нет. Это светило нестабильно, вскоре произойдет коллапс. Вся жизнь на планетоиде погибнет, а с нею и все аборигены с удивительным свойством. Сейчас мы начнем путешествие в поисках других поселений, и при этом будем думать. Много думать.

— О чем мы будем думать?

— Надо понять, что нам может принести новое знание.

С этого все и началось.

ГЛАВА 1

В десантном отсеке было сумрачно и сильно воняло нефтепродуктами. Воспитанницы сидели бок о бок, прислонившись парашютными мешками к вибрирующей обшивке, на коленях расслабленно покачивались компактные пистолеты-пулеметы. Самолет плавно повернул, чуть завалившись при этом на крыло, с надрывом взревели двигатели, машина медленно выровнялась. Замигала сигнальная лампочка, девушки дружно подняли головы, одновременно встали.

Лина пробежалась взглядом по амуниции, инстинктивно проверила натяжку ремней. Подняла руку, щелкнула переключателем. Пятнадцать—двадцать секунд, и оптоэлектроника прогреется, прибор ночного видения заработает. Инструктор пристегнула себя страховочным ремнем, рывком откатила дверь в сторону, отвесила приглашающий жест. Первой пошла Мия, она отвечала за навигацию группы, за ней шагнула Вика — лучший снайпер Монастыря по результатам этого года. Лина была пятой. Опустив на глаза маску ноктовизора¹, девушка, привычно оттолкнувшись, окунулась в зеленую тьму ночного неба.

Подчиняясь вдолбленному до автоматизма порядку действий при ночном десантировании на средних и больших высотах, Лина проворно извернулась, выровнялась, уверенно пошла за Мией. На плечах и бедрах ведущей сверкало несколько инфракрасных светильников, по ним ориентировались остальные девушки. Сгруппировавшись в короткий сдвоенный строй, воспитанницы неслись к цели.

Под ними, сияя миллионами огней, расстился исполинский мегаполис. Время было не слишком позднее — большинство горожан все еще бодрствовали, а любители ночной жизни как раз покинули свои убежища. Но даже если кто-нибудь из них взглянул бы

¹ Н о к т о в и з о р — прибор ночного видения, дает изображение преимущественно в зеленых тонах.

сейчас в небеса, то не увидел бы ничего необычного. Самолет шел на большой высоте без бортовых огней, а инфракрасное излучение маячков невозможно заметить невооруженным глазом.

Мия плавно подкорректировала курс, группа послушно повторила ее маневр. Ведущая ориентировалась по электронной карте спутникового навигатора, закрепленного на ее предплечье, вторая воспитанница контролировала ее действия по своему прибору. Лина недовольно зажмурилась — по глазам ударил яркий луч. Его направили с земли техники Ордена для визуальной привязки. Излучение было слабым и узкополосным, но оптоэлектроника усилила его просто немилосердно — если бы не светофильтры, травмы сетчатки не избежать.

Но Мия не стала отказываться от навигационной информации. Она спокойно могла обойтись и без корректировки с земли. Чуть изменив масштаб карты, она убедилась, что группа движется точно к цели — маленькому крестiku. Пользоваться радиосвязью на передачу до начала штурма было запрещено, но ведущую это не смутило. Подав условный сигнал, она раскрыла парашют, переждала болтанку, и, управляя снижением, продолжила спуск. Его траектория должна быть близкой к идеалу — цель небольшая и не слишком удобная для посадки.

Крестиком была помечена крыша высотного здания.

Высокий, хорошо сложенный мужчина лет сорока бесцеремонно продрался через толпу растерянных спецназовцев, подошел к подехавшему грязно-желтому автобусу и обрушился на первого же человека, ступившего на асфальт:

— Я начальник штаба операции и имею право знать все! Что здесь происходит?!

Не менее высокий, но более плечистый мужчина безразлично скользнул взглядом по фигуре полковника, равнодушно поинтересовался:

— Марков?

— Да!

— Свали в свой штаб, больше ты здесь не начальник.

— Но...

— Умолкни и скройся с глаз. Все вопросы к своему командиру.

— Но он и послал меня узнать, в чем дело!

— Если не исчезнешь, я тебя еще дальше пошлю. Гарантирую — туда на такси не доедешь.

— Да кто вы такой?!

— Моя фамилия Мордвинов, но все величают меня по-простец-

ки — Клещ. Все, свободен. Да, это... далеко не уходи. Можешь пригодиться.

Взглянув в пронзительные глаза странного собеседника, Марков осознал — больше говорить не о чем. Отступив в сторонку, он с изумлением уставился на публику, выбирающуюся из автобуса. Создавалось впечатление, что прибыла группа артистов оригинального жанра. Приземистый толстячок в черном плаще, высокая, очень худая женщина с проколотым носом и серьгой в нижней губе, парень в облачении хиппи с оранжевым «ирокезом» на голове. Плечистый мужчина в лохматом камуфляже выкатил инвалидную коляску. Посмотрев на сидящего в ней старичка, Марков тут же вспомнил словечко «растение» — оно как нельзя лучше характеризовало внешность и личностные особенности дряхлого дедушки. Если до этого момента он просто ничего не понимал, то сейчас заподозрил, что спит, и даже украдкой ущипнул себя за руку. Такого просто не может быть — подобную публику ни за что не допустят к месту проведения спецоперации.

И тем не менее они были здесь.

А ведь еще недавно все было просто и понятно. Да, ситуация непростая, откровенно рискованная для карьеры, но зато какие головокружительные перспективы открываются в случае благополучного исхода! Команда «стоп» прозвучала десять минут назад, все подразделения тотчас прекратили выдвижение, некоторые были вынуждены возвратиться на исходную позицию. С невероятных верхов поступил странный приказ помогать во всем новой, никому не известной спецгруппе, прибывающей для гарантированного решения задачи. А следом пожаловал автобус цвета поноса с цирковой труппой на борту.

Между тем новая спецгруппа от безделья не страдала, лишь странная пятерка сгруппировалась вокруг инвалида, не вмешиваясь в работу десятка шустрых парней и девушек в синих комбинезонах. Те быстро, но без суеты устанавливали несколько неизвестных приборов, похожих на короткие телескопы. К этому занятию они относились серьезно — тщательно фиксировали треноги, деловито выкручивали регуляторы горизонтального уровня.

Клещ, выслушав доклад одного из техников, понимающе кивнул, направился к Маркову:

- Слышь, полковник, вон тот щит рекламный видишь?
- Ну?
- Сделай так, чтобы через пять минут его там не было. Уважь.
- А зачем? — опешил Марков.
- Надо очень. Техникам он больно мешает, лучи загораживает.

— Какие лучи?

— Солнечные! Он загорать нам не дает! Блин! Ты про пять минут не позабыл?! Или дрыхнуть здесь собрался?! Живо!!!

Ошеломленный Марков тянуть время не стал, быстро отдал необходимые распоряжения. Щит свалили с помощью бронетранспортера. Полковник не успел обернуться оперативно и не застал странноватый разговор спецгруппы. Заметив нетерпеливый жест Клеща, он подошел поближе и наконец услышал ожидаемый вопрос:

— Эй, как там тебя... Полковник. Скажи-ка нам в двух словах — что тут у вас происходит?

Марков умел выражаться лаконично, не подкачал и сейчас:

— Вооруженная группа неизвестной принадлежности пыталась на двух микроавтобусах проехать к центру. При задержании автоинспекцией преступники открыли огонь и укрылись в офисном здании, взяв там большое число заложников. Выдвинули ряд неприемлемых политических требований, пообещали через три часа убить несколько человек. Осталось сорок минут...

— Понятно. Сколько их?

— Трудно сказать. По разным данным, от двенадцати до двадцати человек.

— Какова обстановка?

— Здание одиночное, высотное. Всех заложников загнали на верхние этажи. Лестницы забаррикадированы мебелью, возможно, заминированы, лифты обесточены.

— Ясненько! Выходит, у нас всего сорок минут?

— Так точно! Подготовиться к штурму просто не успеваем. Доступ к системе вентиляции здания затруднен, снайперам работать непросто — строение самое высокое в округе, поблизости нет удобных позиций. Скрытное выдвижение невозможно, слишком открытая местность. Штурмовать с крыши не получится, террористы это предусмотрели. С вертолета видно наблюдателей неприятеля, машину засекут на подлете. По словам противника, у них имеются мощные взрывные устройства и они готовы их применить при малейшей угрозе.

— Хорошо устроились!

— Согласен. Мы ждем подхода команды диггеров, они обещают найти подземный путь к подвалу и системе вентиляции. Газ наготове. Снайперов разместим на трех вертолетах, будут работать с воздуха. Есть и другие удачные замыслы, но до начала расстрела заложников мы не успеваем закончить подготовку. Я так и не понял, чем вы можете нам помочь?

Клещ снисходительно кивнул:

— Расслабься. Помогать будешь ты, основную работу мы сделаем сами.

Повернувшись к странной пятерке, он деловито поинтересовался:

— Все слышали?

— Так точно! — рывкнул мужчина в лохматом камуфляже.

— Пацифист, тебя я спрошу в последнюю очередь, — ухмыльнулся Клещ. — Вводная такова: через двадцать минут подойдет самолет с бешеными монашками, если вы схалтурите, то в здании пострадают не только стекла. Итак, Милка, что ты на это скажешь?

Женщина, перестав теребить серьгу в губе, скучающим тоном произнесла:

— Двое на крыше, трое караулят лестницу, остальных рассмотреть не могу. Они прячутся среди заложников в нескольких комнатах, на фоне такого количества людей их не выделить. Ясно могу разглядеть только семерых, они отдельно от толпы.

— На каких хоть этажах?

— Все на пятнадцатом, кроме тех, что на крыше. Тройка, караулящая лестницу, на пол-этажа ниже.

— Ясно. Чепэ, палец поломаешь! Докладывай!

Толстячок в черном плаще прекратил исследовать свою левую ноздрю и мягким, тихим голосом произнес:

— Далеко. Точный удар провести трудно. Если Мила даст хорошую наводку, могу замочить кого-нибудь на лестнице или крыше. Лучше на крыше, это интереснее и гораздо красивее.

— До нее вроде бы подальше будет? — усомнился Клещ.

— Ну и что? Подчинить себе двигательные функции проще простого. Контроль при этом держится до пяти секунд, за это время я его успею скинуть вниз, — чуть помедлив, добрячок мечтательно произнес: — А до земли лететь далеко-о-о-о-о! И не мягкая земля там, а твердый асфальт! И черепушкой об него — хрясь! И мозги...

— Ладно, Чепэ, проехали, — поспешно прервал его Клещ. — Выведешь из строя кого-нибудь на лестнице. Тех, что на крыше, и без тебя прикончат. Индеец, твоя очередь.

Парень с «ирокезом» покачал головой:

— Я сегодня не в форме. Все, что могу, так это слух закоротить.

— Но хоть с гарантией? — уточнил Клещ.

— Гадом буду! Сами себя будут слышать с двухминутной задержкой. У самых слабых может до тумана дойти. Но не больше — на меня луна плохо действует, она почти полная.

— Хреново, — констатировал Клещ и кивнул на инвалида: — А что с нашим живчиком?

Пацифист отрапортовал четко:

— Состояние удовлетворительное, к выполнению боевой задачи он готов!

Поспешно вытерев струйку слюны, вытекающую из расслабленного рта старика, парень обеспокоенно произнес:

— Лишь бы только он ничего не перепутал.

— А что будет, если перепутает? — насторожился Клещ.

— А ничего хорошего. Видишь, сколько тут вояк и журналистов?

— Ну?

— Дворники неделю дерьмо лопатами грузить будут. Куст если ударит, то на километр вокруг у всех наступит полное расслабление большинства мышц, в том числе и сфинктеров. Знаменитый фокус Нельмы, только в более глобальном масштабе, ей подобное не повернуть.

— Да, такое ей и не снилось, — ухмыльнувшись, согласился Клещ. — А если он сработает правильно?

— Мало им не покажется. Целый букет: нарушение координации, аритмия, затруднение дыхания, судороги. Все, кто находится в здании и около него, будут затронуты в разной степени. Длительность до трех минут, не исключена гибель отдельных заложников и террористов. Но на монашек это не подействует, у них щиты. Если он, разумеется, не перепутает. От эффекта Нельмы щит почти не защищает.

— Странно...

— Ничего странного. Дело в том, что еще двадцать лет назад мастера-сенситивы установили, что биполярная составляющая...

— Все! Проехали! — поспешно произнес Клещ. — Ну хоть бы раз встретить среди боевых сенсов нормального человека! Одни психи, на вашем фоне я выгляжу вполне нормальным человеком...

Вытащив пиликающую трубку, он выслушал собеседника, кивнул, повернулся к Маркову:

— Отводи своих орлов. Ближе сотни метров к зданию никому не приближаться до моего приказа.

— Но...

— Спорить некогда. Через десять минут на крышу будут сброшены мои десантники. Если все пройдет по плану, через пятнадцать минут будешь сверлить себе дырку под орден.

— А если не по плану? — не удержался полковник.

Клещ пожал плечами:

— На этот случай дырка у тебя уже есть.

Городской свет создавал воспитанницам ощутимые проблемы. Электроника прибора усиливала его немилосердно: фонари, окон-

ные проемы, огни фар и рекламы полыхали языками зеленоватого пламени. Впрочем, нужная крыша была затемнена, сложностей там не будет. Оценив траекторию, Лина вывернула влево, дабы не угодить на самый край. Остальные девушки поспешно совершали схожие маневры, готовясь к приземлению. Ночь была безветренная, что существенно облегчало боевую задачу.

Лина отчетливо различила темную фигуру на углу крыши. Человек резко вскочил, запрокидывая голову. Как бы тихо не приближались парашютистки, что-то он почуял и теперь пытался рассмотреть темные прямоугольники на фоне ночного неба. Девушка не расслышала выстрелов — пистолеты-пулеметы были снабжены отличными глушителями, а Вика находилась от нее далеко. Просто человек дернулся, неловко развернулся, упал мешком.

Подошвы ботинок ударили о пластик современной крыши. Просеменя несколько шагов, Лина поспешно погасила купол, освободилась от парашюта. Где-то за лифтовой шахтой трещоткой несколько раз лязнул затвор пистолета-пулемета, выплюнув скупую очередь. Девушка настороженно вскинула свое оружие, но тут же расслабилась, увидев успокаивающий жест ближайшей воспитанницы. Противник был уничтожен.

Операция проводилась без подготовки, практически с ходу, но каждая из воспитанниц четко знала свое место. Лина сориентировалась по сторонам света, уверенно подошла к западной стороне здания. Торопливо, но без суеты, закрепила трос за растяжку невысокой мачты, венчающей угол лифтовой шахты. Проверив сбрую, убедилась — все в порядке. Теперь оставалось только ждать сигнала по радиосвязи. После условной фразы девушка должна спуститься до пятнадцатого этажа и, разбив стекло, ворваться в угловое офисное помещение. Помимо нее туда же должна направляться Мия. При обнаружении противника они обязаны его уничтожить с минимальными потерями среди заложников и, двигаясь далее по часовой стрелке, зачищать этаж от террористов. Конечный пункт — лифтовая площадка, там они должны были встретиться с другой парой и, зачищая лестницу, спуститься на этаж ниже, где остановиться в ожидании дальнейших распоряжений от наземного руководства.

Восемь воспитанниц заняли позиции по краю крыши, четверо скользнули в чердачную дверь. Сигнал запаздывал — горошина микрофона вела себя тихо, лишь изредка выдавала кодовые фразы, замаскированные под переговоры военных подразделений в дальнем оценении. Судя по убогости фраз и одинаковым голосам, в этой примитивной радиопостановке участвовало всего три техника. Причина задержки была неизвестна. Впрочем, начальству виднее.

Тем временем начала брать свое ночная прохлада. Лина прижалась к бортику крыши, все еще хранящему тепло солнечного дня. В голову невольно полезли неуставные мысли. Приказ приказом, но запретить думать невозможно. Девушка понимала: происходит нечто странное. Всей группе выдали обычные боеприпасы, неэффективные против врагов Ордена. Более того, в боевой задаче сказано четко: противники — обычные люди. Было разрешено делать с ними что угодно, лишь бы при этом не пострадали заложники.

С подобной ситуацией Лина не сталкивалась даже в теории. Да, в истории Ордена бывали случаи, когда приходилось сражаться против людей. Но при этом применяли агентов «Всевидящего ока», в крайнем случае обычные боевые группы или спецназ. Дюжина старших воспитанниц и выпускниц, сброшенная на головы террористов... Это не укладывалось ни в какие рамки. На фоне подобной нелепости предупреждение о том, что в операции задействована группа боевых экстрасенсов, уже не удивляло. Охотниц, натасканных на борьбу с акулами, бросили сражаться против кроликов. Зачем? Ответа не было.

Поневоле припомнились многочисленные странности последнего времени. С того момента, когда Лина первый раз пришла в сознание после самой удивительной в истории Ордена выпускной практики, и до того, как вечером ее подняли по тревоге и загнали в вонючее нутро самолета, у девушки накопилась целая коллекция непонятностей. В воздухе витало нечто, что невозможно было ощутить стандартным набором чувств, но оно, без сомнений, существовало. По Монастырю бродили странные тревожащие слухи, даже младшие воспитанницы обнаглели настолько, что сочиняли истории одна нелепее другой.

Внезапно Лина почувствовала, что ухватила ниточку огромного клубка — еще немного, и она его распутает. Но ей не дали на это времени. Горошина наушника зашипела, реагируя на несущую частоту долгожданного сигнала:

— Бубкин! Сука ты недосушенная! Ты там заснул или окончательно сдох? Бегом убрал этих телевизионщиков с козырька, пока они там кино про тебя не сняли!

Из эмоционального высказывания техника Ордена Лина четко усвоила два слова — «Бубкин» и «кино». Первое было сигналом, второе его подтверждением. Поднявшись, она взобралась на бортик крыши, без страха встала спиной к многометровой пропасти, перехватила трос через руку, упираясь подошвами в самый край, завалилась назад, выждала один миг, привыкая к новому положению тела, и пошла вниз. Отталкиваясь от стены, она стремительно пролетала

мимо огромных окон. Согласно приказу, спуск необходимо было провести как можно быстрее — нельзя исключать вероятность того, что у террористов есть сообщники в городе. Наблюдатель с хорошей оптикой без труда разглядит темные фигуры воспитанниц. После сигнала городские станции сотовой связи прекратят работу на десять минут, кроме того, будут глушиться радиосвязь, через помехи на большинстве каналов пробиться нелегко. Но кто знает, возможно, противника все же предупредят. У врага не должно остаться времени на подготовку.

В последний раз оттолкнувшись от стены, Лина мягко притормозила, замерла над нужным окном. Как ни дорого время, но приходится медлить. Штурм должен начаться одновременно — восемь воспитанниц дружно ворвутся в окна, четверо проникнут на этаж через лестницу. Пока координаторы на земле не убедятся, что все вышли на исходные позиции, сигнала не будет.

К счастью, долго ждать не пришлось. Не прошло и десяти секунд, как вновь зашипел наушник:

— Бубкин! Ты еще тупее, чем я думал! Еще минута этого цирка, и я тебя в гробу высушу!

Отблески света, искажающие картинку, исчезли — во всем здании погас свет. Желудок было содрогнулся в рвотном спазме, но тут же успокоился — тело воспитанницы почти не отреагировало на атаку боевых сенсов. Колени уперлись в грудь, мощнейшим рывком оттолкнувшись от стены, Лина выбрала строго отмеренную слабинку троса и, уже приближаясь к потемневшей громадине окна, невольно усмехнулась. Чей-то черный юмор сигналом к началу уничтожения террористов выбрал слово «гроб». В руке дернулся пистолет-пулемет, выплюнув короткую очередь. Без этого девушка не смогла бы разбить стекло. Даже пули его не высадили, просто пробили в нескольких местах, разукрасив отверстия ореолом радиально-концентрических трещин.

Все же без проблем преодолеть стеклянную преграду не удалось. Тело, защищенное одеждой, амуницией и шлемом, не пострадало, но вот ноктовизор при ударе задрало кверху. Мгновенно ослепнув, Лина покатилась по полу, больно приложилась о какой-то твердый предмет, поспешно вернула прибор на место. В этот миг рядом торпливо залязгал затвор, пули хлестко застучали по стенам, некоторые сочно впивались в живую плоть. Кто-то надрывно вскрикнул, завизжало сразу несколько женщин. Пистолет-пулемет не унимался — Мия славилась страстью к длинным очередям.

Вновь обретя ночное зрение, Лина приподнялась, внимательно осмотрела помещение. Обычный офис, если не обращать внимания

на множество людей, сидящих у стен. Двое мужчин корчились на полу возле большого ксерокса, установленного на невысоком столике, — Мия даром время не теряла. Лине никогда еще не приходилось убивать людей, но теорию этого дела она знала прекрасно и поняла — все кончено. Кивнув напарнице, девушка скользнула к двери, чуть приоткрыла, бросила в щель светомузовую гранату, отшатнулась назад, широко раскрывая рот. Несмотря на все меры предосторожности, акустический удар вышел жестоким, в ушах зазвенело.

Мия выскочила вперед, присела воле двери, изготовилась к стрельбе. Лина тут же ударила ногой чуть ниже ручки. В открывшемся взгляду коридоре возле стены корчился человек. Девушка отчетливо разглядела помповый дробовик, валявшийся рядом с ним. Вновь залязгал затвор — китайка вбила в противника очередную щедрую очередь, сменила магазин, сделала короткую перебежку, замерла возле перекрестка коридоров.

Лина, прекратив прикрывать напарницу, направилась следом, держась возле самой стены. Проходя мимо тела террориста, отметила, что на нем надежный бронезилет. От пистолета-пулемета защита неплохая, если бы Мия не попала в голову, то он вполне мог бы выжить и даже обстрелять воспитанниц. Следовало учесть это на будущее — кто знает, может, все враги экипированы схожим образом.

Проверив по пути пару дверей, напарницы убедились, что эти помещения пустые, без террористов и заложников. Таким образом, к лифтам они вышли без задержек и только здесь вновь столкнулись с противником. Шатающаяся высокая фигура показалась в проходе, ведущем на лестницу; левой рукой человек придерживался за стену, в правой сжимал пистолет. Так как он показался со стороны Мии, огонь открыла китайка. Пули с грохотом ударили по стенам, сбили неприятеля с ног. И только когда он уже падал, Лина успела бросить взгляд на его лицо и содрогнулась, увидев, что у террориста нет глаз. Девушка еще не сталкивалась с боевыми экстрасенсами и тут же пожелала не сталкиваться с ними и впредь. Что бы они здесь ни применили, выглядело это жутковато. Вместо полноценного сражения воспитанницы устроили бойню, сопротивления не было. За все время не прозвучало ни одного «нормального» выстрела, работало только бесшумное оружие атакующих.

Террористы будто прочитали мысли Лины — со стороны лестницы протрещала оглушительная очередь. Напарницы бросились на пол, пропуская свинцовый шквал над собой. Мия еще в падении

огрызнулась парой выстрелов, но тут же дернулась, прекратила стрельбу — в нее попала пуля, срикошетившая о потолок.

Лина сорвала с жилета осколочную гранату, швырнула на лестничную площадку. Взрыв угомонил автоматчика, осколки прогрохотали по стенам и лифтовым дверям. Бросив следом светошумовую, девушка рванулась в атаку, но перед самым спуском остановилась — сражаться здесь было не с кем. Лестничный марш был завален офисными столами, возле баррикады лежали два террориста, иссеченные осколками. Оба все еще подавали признаки жизни. Приказа на полное уничтожение противника не было, Лина не успела подумать, что делать с пленными, как подошедшая Мия хладнокровно добила их двумя выстрелами.

Поморщившись от столь жестокого хладнокровия напарницы, Лина встревоженно поинтересовалась:

— Ты как?

— Все в порядке. Пуля прошла вскользь по бронеку, — чуть помедлив, Мия добавила: — Синяк будет.

Ожил крошечный наушник:

— Практикантка, ты на месте?

— Да, — подтвердила Лина. — Все чисто.

— Не стреляйте, мы подходим!

— Поняла! Подходите.

Дождавшись вторую пару воспитанниц, Лина повела маленький отряд вниз. Пробравшись через завалы мебели и сняв по пути две растяжки, девушки добрались до четырнадцатого этажа. Встав перед лифтами, Лина доложила по радиосвязи:

— Я Практикантка! Боевая задача выполнена, потерь нет, уничтожено шесть террористов.

— Я Клещ, все понял. В каком состоянии лестница?

— Завалы мебели, заминированные гранатами. Пробраться можно, но только не спеша.

— Ясно. Ждите.

Марков, с трудом сдерживая желание расхохотаться в голос, наблюдал, как верница заложников струится по коридору между шеренгами солдат. В обратную сторону сплошным потоком двигались медики, саперы и бойцы различных подразделений. Полковник поморщился, увидев первые носилки, — без жертв среди заложников не обошлось. Но слова Клеща о том, что пострадало немногим больше десятка человек, он запомнил очень хорошо. При подобной операции такой уровень потерь был на уровне минимально допустимых, так что беспокоиться не стоило. Пожалуй, и впрямь следует подумать о дырке для ордена. Если, разумеется, руководитель

странной спецгруппы не соврал и действительно не станет все лавры вешать на себя. Как ни крути, но это справедливо.

Поток заложников схлынул, показались бойцы спецгруппы. Марков нахмурился — здесь что-то явно не так. Нет, в принципе все естественно: темные фигуры, обвешанные оружием и боеприпасами, матовые глухие шлемы с заданными сверху приборами ночного видения. Но полковник впервые столкнулся с тем, что бойцы такой квалификации как на подбор невысокого роста и, мягко говоря, не отличаются шириной плеч. Лишь парочка вполне стандартного облика, но зато один вообще не вписывается ни в какие рамки — рост на уровне недоразвитого подростка, остальные габариты и того скромнее.

Впрочем, будь даже все они цирковыми лилипутами — безразлично. Ребята сработали просто блестяще, а о странностях лучше не думать — чревато. Вдохновленный подобными мыслями, Марков подошел к самому малорослому бойцу и панибратски хлопнул его по плечу:

— Молодцы! Ловко вы работаете! Настоящие орлы! Хвалю!

Боец невозмутимо поднял руку, щелкнул застежкой, медленно стянул шлем, явив миру девичье лицо очень восточного типа. Бросив на полковника сверлящий взгляд, китайночка уточнила:

— Мы не орлы, мы орлицы.

Опешивший Марков только тут осознал главную странность этой удивительной спецгруппы — вся она состояла из девушек. Дальнейшие слова застряли в горле — полковник нелепо отвесил челюсть. Подошедший Клещ, не обращая на него внимания, вопросительно произнес:

— Практикантка?

Хрупкая воительница сняла шлем. Эта девушка оказалась темноволосой и, в отличие от китайки, очень даже красивой. Боевое снаряжение, мягко говоря, ей не шло, придавая весьма нелепый вид.

Клещ задумчиво кивнул:

— Так вот ты какая... Не узнаешь?

— Никак нет! — четко отрапортовала Лина, догадавшись по голосу, что перед ней руководитель операции.

— А зря. Мы все же виделись. Встреча была короткой, но бурной. После нее я месяц провалялся на больничной койке.

— Виновата! — тут же выкрикнула Лина. — На тот момент не отдавала отчета своим действиям!

— Да я не в обиде, — усмехнулся Клещ. — Сам виноват, нечего приближаться к взбесившейся монашке. Вот, возьми. Это твое.

Девушка удивленно вскинулась, увидев в руке руководителя ко-

роткий нож с наборной кожаной рукоятью. Преодолевая ее нерешительность, Клещ уточнил:

— Твой это, твой. Я знал, что рано или поздно свидимся, вот и так скал с собой повсюду.

Лиана приняла нож, деловито вытащила медпакет, обвязала клинок бинтом, спрятала оружие в карман разгрузочного жилета. Молча пронаблюдав за ее действиями, Клещ заявил:

— Хороший нож. В своем роде даже уникальный, сама понимаешь. Как все прошло?

— Без осложнений. Несколько ушибов от пуль и осколков, других ранений нет. Серьезно пострадало одиннадцать заложников, четверо убито.

— Отчего они умерли? — заинтересовался Клещ.

— Точно не знаю. Один был убит еще до нас, двое погибли при штурме. Четвертый просто умер, наверное, сердце не выдержало. От пуль пострадали многие, там перегородки очень тонкие, их прошивало навывлет, а от несущих стен часто рикошетило. При таких толпах невозможно было никого не задеть.

— Да я вас и не обвиняю, — отмахнулся Клещ. — Молодцы, нечего сказать. Сенсы вам не досаждали?

Лиана не сдержала улыбки и с ноткой гордости заявила:

— Нам не так просто досадить.

— Ясное дело, — кивнул Клещ. — Сейчас свернем пожитки и двинемся к аэропорту. Там вас заберет монастырский борт.

Заметив на лице девушки следы скрываемого вопроса, Клещ уточнил:

— Ты что-то хочешь сказать?

Лиана какой-то миг колебалась, уж очень хотелось узнать, для чего проводилась столь странная операция, но субординация все же взяла свое:

— Здесь где-нибудь попить можно? После ментальной атаки первая реакция — жажда.

— Да... Конечно, — засуетился Клещ. — Сейчас пошлю техника в ближайший магазин. Может, что покрепче минералки?

Лиана какой-то миг недоуменно моргала, прежде чем до конца уяснила — руководитель операции прямым текстом предлагает воспитанницам спиртные напитки. С подобным она еще не сталкивалась... Впрочем, боевого опыта у нее не было, кто знает, может в Ордене так принято. Раз так, то не стоит позориться перед знаменитым рыцарем. Кивнув, девушка с невозмутимым видом произнесла:

— Да, было бы неплохо. Чего-нибудь покрепче.

— Отлично, — жизнерадостно произнес Клещ и, резво обернув-

шись, ухватил за рукав техника, несущего сложенную треногу. — Стоять! На вот, держи деньги и дуй к ближайшему магазину.

— Меня через оцепление не пропустят.

— Пропустят, — заверил его Клещ. — Я это дело проконтролирую.

— Что взять?

— Бутылки две минералки и ящик водки.

Понятливый техник кивнул и уточнил:

— А стаканчики брать?

— Не надо, тебе и так тяжело тащить будет. Ты это... Лучше вина бутылку возьми... Что ли... Девушки все-таки.

— Но как же без стаканчиков... Девушки... — не сдавался техник.

— Молча. Таким девушкам иначе, чем из горла, пить несолидно.

Но выпить девушкам не удалось.

Как ни странно, первой неладное почувяла Лина.

Воспитанницы столпились кучкой возле автобуса, не мешая техникам убирать оборудование. Поснимав шлемы, они с интересом наблюдали за деловитой суетой сотрудников Ордена, бойцов спецслужб и медиков. Некоторые из девушек с детства не бывали в Большом Мире, столь великое множество новых лиц было для них в диковинку. Марков догадался выделить пару десятков своих спецназовцев, те ненавязчиво выстроились плотной шеренгой, закрывая воительниц своими мощными телами от любопытных глаз. Хотя журналистов к месту событий не подпускали, слухов о странностях сегодняшних событий все же не избежать, так что не стоит давать лишнюю пищу для размышлений.

Первый укол буравящей боли сжал виски, заставив Лину поморщиться. Она халатно не обратила на него внимания, сочтя последствием перепадов давления при полете и прыжке — с ней подобное уже бывало. Но некоторые вещи воспитанницам вбивали до генетического уровня — девушка ощутила смутную тревогу. Техники закончили погрузку, следом за ними в автобус потянулись боевые сенсоры. Мила замерла на верхней ступеньке, медленно развернулась, настороженно уставившись куда-то вдаль. Дряхлый старик внезапно дернулся, сердито сверкнул глазами, попытался что-то произнести, но из горла вырвался лишь клекот умирающего петуха. В следующий миг по двору пронесся дружный вскрик — десятки сотрудников Ордена отреагировали на близкий пробой.

Растерянные спецназовцы ступевались, не зная, что предпринять: техники дружно корчились на земле, старик буквально был прорезавшимся голосом, остальные боевые сенсоры лихорадочно крутились во все стороны, будто пытаются увидеть что-то незримое.

Медики спешили к сотруднику, корчащемуся в луже водки и россыпи бутылочного стекла — он так и не успел донести свою ношу.

Реакция воспитанниц была вполне предсказуемой: щелкая предохранителями, они стремительно рассредоточились по двору, заняв круговую оборону. Клещ подскочил к команде сенсов:

— Где?!!

— Близко, — кусая губы, тихо произнесла Мила, не переставая сканировать направление пробоя.

— Я и сам знаю, что не в Антарктиде! — рявкнул Клещ. — Точнее?!

Старик внезапно оборвал свой однотонный вой и неожиданно четким, уверенным голосом доложил:

— Азимут сто семьдесят. Триста сорок метров. Гостиничное здание. Шестой этаж. Семнадцатый номер.

— Благодарю, — кивнул Клещ и взревел: — Монашки, все ко мне! Бегом!!!

Воспитанницы послушно покинули свои позиции, стекаясь к руководителю. Не дожидаясь подхода задержавшихся, он коротко обрисовал обстановку и сформулировал боевую задачу:

— Гости влезли прямо в гостиницу. Шестой этаж, семнадцатый номер. Сведения могут быть неточными. Пока твари не очнулись после пробоя, надо их порвать. За мной!

Наперерез Клещу метнулся Марков:

— Что случилось?

— Гостей встречаем, — отмахнулся рыцарь. — Без нас тут разбираться.

— Помощь нужна? — крикнул вслед недоумевающий полковник.

Клещ проигнорировал его вопрос, возглавляя цепочку воспитанниц, он рвался к цели, расшвыривая с пути замешкавшихся спецназовцев и милиционеров. Его лицо светилось детской радостью — он спешил выполнить главную работу Ордена. Глаза одиннадцати воспитанниц азартно поблескивали в предвкушении настоящей схватки. Поймать гостя или гостей в момент пробоя — немислимая удача, ведь даже низшие создания после этого несколько минут восстанавливают силы, а на то, чтобы просто прийти в себя, некоторым высшим требуется более трех дней.

В глазах двенадцатой девушки азарта не было — Лина отчетливо сознала всю ненормальность последних событий. Мало того что воспитанниц бросили на гражданскую операцию, так тут еще и пробой. Совпадение немислимое — это попросту невозможно. Да и пробой странный — приступ головной боли прекратился, хотя по

идею должен терзать виски не менее десяти минут. Слишком уж слабое проникновение, так не бывает. А вдруг там кучка низших? Эти твари способны прийти в себя за пару минут, а у девушек даже спецоборудования нет. Без потерь в этом случае не обойтись.

Видимо, схожие мысли посетили рыцаря, не сбавляя скорости, он прокричал:

— Если на них усиленная броня, бить по коленным сочленениям. Потом добивать, не жалея патронов, в глаза и стыки пластин. Гранаты применять осторожно, там полно гражданских.

В гостинице никто не догадывался о крайне неприятном событии, происшедшем в ее стенах. Светловолосая миловидная женщина сидела за стойкой, развернувшись в сторону телевизора. Там как раз шел прямой репортаж с места событий — в кадре мелькали хорошо знакомые места, ведь до захваченного здания всего пять минут ходьбы. Недавно сюда даже заходили несколько спецназовцев, они обследовали крышу, намереваясь разместить своих наблюдателей. Но здешний обзор не понравился, и они выбрали соседний дом. А жаль — так и не удалось приобщиться к такому событию, было бы что рассказать подругам.

Повернувшись в сторону открывающихся дверей, женщина поняла — еще не все потеряно. Спецназ возвращался, причем весьма поспешно. Приветливо улыбнувшись подбежавшему здоровяку, она поинтересовалась:

— Вам лестницу на крышу открыть?

Не задерживаясь, гигант проскочил мимо, бросив через плечо:

— На хрен нам твоя лестница? Вали отсюда, покуда ноги шевелятся.

Отряд на удивление малорослых спецназовцев промчался мимо стойки, кое-кто на ходу зловеще щелкал оружием. Женщина, проникнувшись духом момента, выключила телевизор и поспешно направилась к дверям, на ходу осознав, что все же приобщилась к историческому событию.

Клещ, не сбавляя темпа, ринулся на лестницу, проигнорировав лифт. Между вторым и третьим этажом Лина вспомнила, что является командиром группы воспитанниц. Так как руководство операцией осуществлялось с земли, до сего момента ей об этом задумываться не приходилось. Догнав Клеща, она решительно дернула его за плечо.

— Чего тебе? — выдохнул здоровяк.

— Надо сбавить темп. Мы слишком быстро бежали. Дыхание сбилось, это ухудшит меткость стрельбы.

Клещ кивнул, соглашаясь с разумностью доводов девушки, резко сбавил темп. Но она не остановилась на достигнутом:

— Идите назад, вы без бронежилета и серьезного оружия.

— Очень он здесь поможет, бронежилет, — буркнул Клещ. — А вооружен я получше тебя, мой пистолет заряжен спецпатронами. Так что помолчи.

Спорить с руководством нельзя, и Лина смирилась с тем, что впереди идет боец без радиосвязи и защиты, если не считать легкую куртку.

Лестница была узкой, воспитанницы двигались цепочкой, держа оружие наготове. Головная боль стихла — значит, пробой закрыт. Если это действительно враги — они уже здесь. Неприхотливые низшие адаптируются быстро и можно ожидать нападения в любое мгновение. На площадке четвертого этажа курил толстый немолодой мужчина. Разинув рот, он выронил сигарету и от удивления даже не догадался освободить дорогу. Клещ небрежно отшвырнул его в сторону, впечатав в стену. Тот утробно хрюкнул, но возмущаться не стал. Лина отметила, что, судя по всему, гостиница продолжает жить своей обычной жизнью. Если на шестом этаже объявились гости, то ведут они себя на удивление тихо.

На площадке пятого этажа Лина вновь дернула Клеща за плечо:

— Надо сообщить руководству.

Но здоровяк только отмахнулся:

— Практикантка, ты просто помешана на уставах и правилах! Сами справимся, это тебе не тайга.

Лина вновь не рискнула спорить с руководством, хотя Клещ совершал серьезнейший проступок. На случай пробоя в городских условиях у Ордена была специальная инструкция, включающая целый комплекс мероприятий, вплоть до зачистки пораженного участка спутниковым ударом с дальнейшим сваливанием вины на каких-нибудь экстремистов. Но указывать рыцарю на элементарные вещи некрасиво, да и поздно — воспитанницы достигли шестого этажа. Сомнения в сторону — сейчас не время для пререканий с командованием.

Клещ скользнул взглядом по номерам на ближайших дверях, мгновенно сориентировался, направился влево. Со скрипом приоткрылась ближайшая дверь, показалась любопытствующая физиономия. Рыцарь пригрозил огромным пистолетом, дверь тут же захлопнулась. Лина коротко взмахнула левой рукой, но понятливые воспитанницы и без сигнала послушно припали к стенам коридора, выставив оружие в угрожающем направлении. До семнадцатого

номера оставалось несколько шагов. Девушки знали — там их могут встретить враги.

Но они ошибались — за невзрачной дверью гостиничного номера их ждала безликая смерть.

Экстрасенсы и техники, покинутые руководством, скучать не стали. Пробой — дело серьезное, но тут все карты в руках у воспитанниц и рыцаря. Простым трудягам Ордена пришлось несладко, при такой близости к месту событий немудрено заработать insult, ведь до тренированных монашек им далеко. Стресс был немалым.

Человеческая природа — штука странная. В нескольких сотнях метров отсюда могут находиться самые страшные враги, каких только можно себе представить, однако уже через три минуты после начального импульса пробоя в автобусе открыли первую бутылку водки.

К счастью, техник, посланный в магазин, разбил далеко не все. Более того, при падении он даже не порезался, только вымок в содержимом бутылки. Стаканов не было, но сотрудников Ордена трудности не смущали. Кто-то отрезал дно пластиковой бутылки, другие свинтили колпачки с оптики прожекторов, а у водителя была персональная стальная рюмка, выточенная в ремцехе на токарном станке. Сам он пить не стал, но галантно предложил изысканный сосуд Миле.

Заслышав жизнерадостный плеск, старик открыл выцветшие глаза, в них мелькнул огонек жизни. Завидев это, Пацифист заявил:

— Надо и дедушке налить.

— А ему разве можно? — усомнился один из техников.

— Хуже ему уже не будет, — констатировал Чепэ. — Эй, Куст, ты водку будешь? Или тебя добить, чтоб не мучался?

Обратившись к широкой аудитории, он пояснил:

— Ему девяносто восемь лет. И все в строю, никак ветерана в покое не оставят.

Старик издал горловой, клекочущий звук, явно оживившись.

— Понял! — констатировал Пацифист. — Кустик хочет водочки.

В приоткрытую дверь автобуса заглянул один из офицеров неизвестно какой спецслужбы. Слишком много их крутилось по окрестностям, от пристального внимания не ускользал ни один укромный уголок.

— Дверь закрой! — рявкнул Пацифист. — Не видишь, у людей тут собрание... секретное.

Понимающе кивнув, офицер захлопнул дверь, при этом по салону автобуса покатился какой-то предмет. В темноте никто его не

разглядел, а из-за шума невозможно было расслышать шипение. Нервнопаралитический газ действовал мгновенно, в корпусе гранаты была заключена доза, достаточная для убийства сотни человек, — замкнутый мирок салона превратился в душегубку.

Техники и сенсы корчились на полу в предсмертных судорогах, в своем кресле нелепо дергался Куст. Угасающее сознание старика на миг вспыхнуло с прежней ясностью, и он нанес последний в своей жизни удар.

Удаляющийся офицер вздрогнул, неловко пошатнулся, но тут же выровнялся и продолжил идти как ни в чем не бывало. Неподалеку замертво упал спецназовец — тяжелейший инсульт убил его на месте, еще несколько человек отделались затяжной головной болью. Старик так и не узнал, что убийца, защищенный ментальным щитом, избежал возмездия.

Через минуту последний, самый выносливый техник, перестал подавать признаки жизни. Вымерший автобус стоял среди суеты потревоженного человеческого муравейника. На него не обращали внимания, к тому моменту на людей свалились новые проблемы, им не было дела до странной тишины в салоне.

Эпицентр событий в одно мгновение переместился в близстоящую гостиницу.

Лина замерла перед дверью, присела, чуть придавила спусковой крючок. Ей внезапно захотелось очутиться как можно дальше от этого места. Желание было странное — раньше она за собой особой трусости не замечала. Но слишком уж все неестественно, и удивительно, что Клещ этого не понимает, целиком поддавшись азарту боевой тревоги.

Тем временем здоровяк отошел к стене, чуть присел, бросился вперед живым тараном. В тот же миг Лина отчетливо ощутила свежий, нежный аромат, такой бывает после грозы. Поняв, что из-за двери просачивается озон, она вскрикнула, предупреждая руководителя. Но было поздно.

Рыцарь ударил плечом с такой силой, что дверь вынесло из рамы, он так и внес ее в номер на себе. Лина, заметив оранжевые отблески, окончательно убедилась в своем предположении и яростно закричала:

— Все назад! Это жижка!

Заслышав страшное слово, воспитанницы не стали медлить — брызнули во все стороны, удаляясь от губельного места. В любую секунду по стенам и полам, вообще по всем предметам материального мира пойдет смертельная дрожь. Живая плоть сможет уцелеть,

только если тело зависнет в воздухе. Но человек не птица, он все равно опустится, или вынужден будет за что-то схватиться. Вибрация пленочной саморазворачивающейся контурной ловушки кваря, или в просторечии — «жижи», превратит на контакте кости в пыль, а мясо в мельчайший фарш.

Ли́на сама не поняла, как ее внесло в номер. В отличие от остальных воспитанниц она видела жижу — та переливалась оранжевыми всполохами, зависнув в открытой двери ванной комнаты. Ловушка была на грани срабатывания, она лопнет в любое мгновение, спастись невозможно — волна уничтожит всех обитателей гостиницы. Это же понял и Клещ. Присев посреди номера, он с ужасом смотрел, как по оранжевой сфере разбегаются симметричные полоски намечающихся разрывов. Редкое зрелище — немногие могут похвастать тем, что видели его и при этом остались в живых. Даже скафандр не защищал от жижи полностью. Правда, иной раз хладнокровные бойцы спасались, успев выйти из обширной зоны действия страшного оружия на изуродованных обрубках ног. Но это была редкая удача.

Девушка, даже не задумываясь, рванулась вперед. На ходу сорвала с разгрузки осколочную гранату, выдернув кольцо, небрежно отбросила в сторону жижи. Гладкий цилиндр, пару раз подпрыгнув, ударился о порожек ванной комнаты, замер как раз под расползающейся сферой. Клещ приглушенно выругался, произнеся что-то про триппер, ловко прокатился мимо Ли́ны, схватился за вышибленную дверь, явно намереваясь использовать ее вместо щита. В отличие от него, воспитанница не стала себя вести столь наивно. Да, от осколков дверь, может, и защитит, но вот от сумасшедшей энергии взорванной жижи вряд ли. Оставаться рядом с номером нельзя ни в коем случае.

Ли́на пулей промчалась через большую комнату, ловко перемахнула через подоконник, в ореоле сверкающих осколков вылетела в окно. На миг ощутила радость — все, она почти спасена. Но тут же осознала, что шестой этаж не первый, принялась группироваться, стараясь смягчить удар об асфальт. Кто знает, может, ей удастся выжить и не остаться инвалидом?

Но судьба сегодня была на ее стороне. Тело девушки ударилось о натянутый провод, идущий к рекламному щиту. Она не стала пренебрегать таким подарком, успела за него ухватиться. В этот момент рядом рвануло с такой силой, что она едва не разжала руки. Запал гранаты догорел до конца, жижа была вскрыта до окончания созревания... со всеми вытекающими последствиями.

Вокруг посыпались обломки мебели и строительных конструк-

ций, что-то ударило по проводу, добив его окончательно. Он ослаб, хватаящаяся за него Лина полетела в сторону близкой стены гостиницы, успела стравить около метра, аккуратно вписалась в окно, благо после взрыва стекол в нем больше не было. Прокатившись по полу, она припала на колено, вскинула пистолет-пулемет, к счастью, он не потерялся после всех приключений, так и болтался на плече.

По ушам резанул истошный женский визг. Обитательница номера вскочила с кровати, забилась в угол, с ужасом уставившись на темную фигуру в глухом шлеме. Не обращая на нее внимания, Лина открыла дверь, выскочила в коридор. Гостиница была обесточена, девушка подняла руку, намереваясь опустить ноктовизор, но ладонь встретила пустоту. Прибор ночного видения не пережил череду злоключений, она даже не заметила, где его лишилась. Кроме того, замолчала встроенная радиостанция.

Достав из кармашка фонарик-карандаш, Лина, подсвечивая левой рукой, направилась в сторону лестницы. В правой она сжимала пистолет-пулемет. В свете последних событий она сомневалась, что в гостинице могут встретиться враги. Они не настолько тупы, чтобы, запустив жижу, сидеть рядом с нею, дожидаясь момента созревания. Но, кто знает, лучше не терять бдительность.

Разрушений на пятом этаже не было, если не считать пластов обвалившейся штукатурки — взрыв был не настолько уж мощным. Но, разумеется, проснулись все постояльцы. Повсюду раскрывались двери, люди светили зажигалками, взволнованно переговаривались. Не обращая ни на кого внимания, девушка добралась до лестницы, поднялась на шестой этаж.

Здесь ей пришлось передвигаться осторожнее. Взрыв снес тонкие стены номера, разбросав их обломки по коридору, сюда же выбросило искореженную мебель. Переступая через груды этого хлама, Лина пробиралась к руинам семнадцатого номера. То и дело она поворачивалась, завидев движение, но всякий раз это оказывались постояльцы. Некоторые были ранены, многие кашляли от едкого дыма, где-то явно намечался пожар.

Первую воспитанницу Лина обнаружила на полпути к номеру. Та сидела, прислонившись спиной к стене коридора, и держала наготове пистолет-пулемет. При подходе командира она четко изрекла:

— Фонарик выключи, ты меня слепишь.

— Ленка, ты? Живая?

— Да. Только руку сломала, наверное... левую. Да выключи же фонарь!

- Прости, я не нарочно. Ноктовизор потеряла. Где остальные?
- Мия с Нинкой пошли к номеру, вроде там еще кто-то был.
- Вызови по связи, у меня рация поломалась. Всех зови сюда.

Оставив Ленку прикрывать коридор со стороны лестницы, Лина добралась до эпицентра взрыва, встретив здесь шестерых воспитанниц. Они дружно выкапывали из-под обломков Клеща. Того завалило надежно, на дверь, которой он прикрывался, лег немаленький кусок стены, а сверху набросало разной рухляди.

— Он живой? — встревоженно спросила Лина.

— Был, — ответила Мия. — Я его первая увидела, он просил передать, что все встречи с тобой заканчиваются для него печально. После этого отключился.

Завидев, как косятся на нее воспитанницы, Лина сообразила, что все руководство операцией перешло к ней. Как ни смешно это сознавать, она сейчас здесь главная, со всеми вытекающими последствиями. Впрочем, ответственность невеликая — ситуация простая, действия тоже будут несложными.

Забрав у одной из девушек шлем с действующей радиостанцией, Лина выяснила, что две воспитанницы не отзываются на вызов, их местоположение неизвестно. Отрядив за ними поисковую команду, она попыталась связаться с техниками. Но тщетно, ответа не дождалась. Когда израненного Клеща извлекли из завала, Лина воспользовалась его телефоном, позвонила монастырскому дежурному и объяснила ситуацию. После этого оставалось только ждать инструкций руководства.

Первый же приказ предписывал как можно быстрее вернуться к автобусу, выяснить, почему там не отвечают на вызов.

ГЛАВА 2

— ...после чего проследовали к автобусу. Там обнаружили, что сенсы и технические сотрудники мертвы, один из спецназовцев в тяжелом состоянии, он открыл дверь автобуса, заподозрив неладное, и получил дозу. Не имея костюмов химической защиты и противогазов, мы...

— Достаточно! Ветрова, столько детского лепета я обычно за целую неделю не слышу. И ты называешь это докладом?

Лина стояла на печально знаменитом ковре Мюллера и стоически выдерживала разнос от настоятельницы. Впрочем, не имея зрителей, та не особо усердствовала, песоча любимую воспитанницу скорее из ритуальных соображений.

— Так точно! Это был устный отчет о...

— О чем же? О неудачной прогулке младшей группы пациенток лечебного учреждения для умственно неполноценных детей?

— Никак нет, — нехотя ответила Лина, прекрасно понимая, что сейчас услышит.

— Да что ты говоришь! Нет?! А вот факты говорят как раз обратное. Мне даже не хочется рассматривать их по порядку, вряд ли ты в состоянии понять, что такое порядок. Ты из тех людей, что умудряются упасть в грязную лужу посреди Сахары или умереть от жажды посреди озера. Из всего твоего лепета я так и не поняла, почему вы не доложили о пробое немедленно?

— Но Клещ...

— Он хороший рыцарь, но есть большое «но»: он зарвался, и ты это прекрасно видела. Даже с точки зрения обычной логики, не считая инструкций, о таком необходимо сообщать немедленно. Или тебя так манило в эту набитую проститутками гостиницу, что ты позабыла обо всем на свете?

— Но я хотела...

— А почему не сделала?

— Клещ сказал...

— Детский лепет. Ты имела полное право под угрозой оружия заставить его связаться с Монастырем. У тебя для этого было одиннадцать подчиненных. Вывод прост: как командир ты показала свою полную несостоятельность.

— Я...

— Ладно, хватит! Итог прост: одна воспитанница погибла, трое тяжело ранены. Кроме того, уничтожена группа сенсов и техников, покалечено несколько гражданских и пострадала гостиница. И все это с огромной помпой, прямо-таки блокбастер — журналисты обеспечены работой на месяц вперед. Блестящая операция, ее стоит внести в учебники как яркий пример того, как не следует поступать. Ветрова, я в тебе почти разочарована, неужели ты ни на что не способна, кроме тупой беготни по тайге?

Настоятельница перестала ходить из угла в угол, обогнула стол, присела, кивнула воспитаннице. Лина привычно раскрыла огромный стеновой шкаф, вытащила стул, устроилась напротив Мюллера. Та достала пачку сигарет, прикурила от массивной зажигалки, задумчиво произнесла:

— Табак яд, но как же приятен этот яд. Алина, запомни хорошо: если увижу тебя с сигаретой, — убью.

— Хорошо, — кивнула Лина. — Как забеременею, так сразу и закурю. Терять мне будет уже нечего.

Усмехнувшись, настоятельница задумчиво произнесла:

— Ты ничего подозрительного на этой операции не видела?

— Видела.

— Что?!

— Там все было подозрительным, с самого начала. Нас бросили на гражданскую операцию, да еще и с ходу. Никакой подготовки, только чудом никто не пострадал при штурме здания. Нагнали целую группу сенсов, явно непрофессионалов и несплоченных. Толку от них было мало, нормальная команда погасила бы террористов без нашего вмешательства. А уж потом и вовсе чудеса пошли. Сами понимаете, этот пробой произошел с одной целью — нашу группу хотели уничтожить. Если бы Клещ замешкался, связываясь с руководством, мы бы попали под удар. Кто-то открыл на миг окошко и забросил активированную жижу. Судя по калибру, она бы накрыла все в радиусе сотни метров. Да еще шестой этаж... Даже на обрубках ног не убежишь, мы бы все там остались.

При упоминании обрубков ног настоятельница поморщилась, отложила сигарету и поинтересовалась:

— Что говорят девочки?

— В смысле?

— Алина, не включай дуру. Я вовсе не прошу тебя стучать на подруг. Вообще, каково настроение после этой операции?

Пожав плечами, Лина спокойно произнесла:

— Никто не радуется. Маринку жалко, глупо погибла. И непонятности всех достали. Выпуск закончил практику, но никого по местам так и не отправили. Со мной это еще может быть объяснимо, но ведь другие закончили обучение и не нуждались в лечении и реабилитации. Что они здесь делают? И к чему нас бросили против гражданских? Это вообще дико, даже для обычного спецназа, а уж для нас... И как объяснить то, что группу едва не уничтожили? Если событиям в гостинице еще можно найти хоть какое-то объяснение, то по остальному... Полный бред, ведь выходит, что техников и сенсов убили люди. Наши враги не применяют гранаты с нервно-паралитическим газом, да и появление подобных созданий вблизи автобуса не прошло бы незамеченным. Подобные мысли крутятся в головах всех участниц операции.

— Да это мне понятно, я же спрашивала только про настроение.

— Главным образом огромное недоумение, — сделав паузу, Лина уточнила: — Сами понимаете.

Откинувшись на спинку стула, настоятельница задумчиво уста-

вилась поверх головы воспитанницы. Лина замолчала, не мешая раздумьям женщины, даже дыхание затаила. Она явственно почувствовала, что сейчас услышит нечто, что в очередной раз пошатнет устои ее мировоззрения. Но, увы, в глазах настоятельницы зажглось стандартно-холодное выражение, она явно передумала, причем в последний момент. Ее слова еще более уверили Лину в этом предположении:

— Как твое самочувствие?

С трудом скрывая разочарование, девушка четко ответила:

— Отлично!

— Кисти как? Разработались?

— С правой нормально, на левой мизинец и безымянный без конца затекают. Но это пройдет.

— Программа реабилитации подошла к концу, с этого момента я признаю тебя условно боеспособной, так что можешь принимать участие в работе Ордена.

— А этой ночью, значит, еще не могла принимать? — с затаенным ехидством поинтересовалась Лина.

Взглянув на девушку ласковым взглядом сытой анаконды, Мюллер покачала головой:

— Ветрова, ты меня опять удивляешь. В нашем Монастыре без моральных терзаний паралитика сбросят с парашютом или даже без него, у нас для этого вовсе не обязательно считаться здоровым. Или ты вконец отупела?

— Хорошо, — согласилась Лина, — Раз здорова, то могу приступить к выполнению своих обязанностей. Давайте направление в любой филиал.

— Ишь ты, — усмехнулась настоятельница, — Направление ей подавай. Не угадала. Помнишь, когда ты очнулась после практики, я обещала тебе отпуск?

— Ну? — насторожилась Лина.

— Обещание надо выполнять. Завтра же отправишься на курорт. Сентябрь, южные моря с горячей водой. Фрукты, солнце, пляжи, парни... Все болячки мигом улетучатся, забудешь, на какой руке пальцы затекают. Гарантирую.

— Я готова приступить к работе без отпуска, — решительно заявила девушка.

— А кто тебя спрашивает? — снисходительно констатировала настоятельница. — Считай это приказом.

— Я имею право подать жалобу руководству, — не сдавалась Лина. — Обучение закончилось, я вообще не пойму, на каком основании меня и других выпускниц держат в Монастыре.

— Хоть триста десять жалоб подавай, а завтра все равно пойдешь в отпуск. Поняла?

— Что все это значит?

Мюллер покачала головой, закатила глаза вверх, всем своим видом показывая, что из последних сил терпит несусветную тупость своей воспитанницы:

— Ветрова! Ты хотя бы примерно, на уровне спинного мозга представляешь, что означает слово «приказ»?

— Так точно!

— В таком случае, к чему все эти тупые вопросы? Или ты сомневаешься в моих полномочиях отдавать тебе приказы?

— Никак нет! — четко отрапортовала Лина и почти просительно добавила: — Но что все это значит? Что вообще происходит?

Настоятельница помедлила, затем ровным, спокойным голосом, как бы взвешивая каждое слово, произнесла:

— Алина, в последнее время произошло много неприятных вещей. Ну да ладно. Я считаю, что твое место сейчас на южных морях. Врачи со мной согласны, тебе сейчас лучше поваляться на теплом песке, восстановить здоровье. Если все будет хорошо, через пару недель станет спокойнее, а там и ты вернешься, приступишь к нормальной работе. Так что, хочешь ты того или нет, в отпуск отправишься. Ясно?

— Не все, — честно призналась Лина.

— Ничего, — усмехнулась настоятельница, — все знать тебе не обязательно. Один из наших вертолетов нуждается в небольшой модификации. Завтра ты перегонишь его на завод, за четыреста километров. Оттуда транспортным бортом доберешься до Магдебурга, далее пересадка на гражданский рейс до Каира. Все необходимое получишь в канцелярии. Все поняла?

— А к чему такой сложный маршрут? — не удержалась Лина.

Мюллер вздохнула:

— Ветрова, я что, еще и отчитываться перед тобой должна? Радуйся, у тебя не слишком впечатляющие навыки пилота вертолета, это тебе вместо тренировки. Все, разговор окончен, ты и так отняла у меня много времени. Брысь отсюда!

Вскочив, девушка поспешно проследовала к дверям, зная, что после подобных фраз продолжать разговор невозможно. Уже закрывая дверь, не удержалась, обернулась, успев заметить в глазах настоятельницы тревожный огонек. Это только добавило вопросов, на которые не было ответов.

Кабель был проложен двадцать лет назад, но до сих пор находил-

ся в отличном состоянии. Немудрено, поработали тогда на совесть. Трассу спроектировали с умом, избегая сырых участков местности, но в то же время глубина была приличной, хотя и выше уровня грунтовых вод. Толстый слой гравийной подсыпки пропускал стоки, вызываемые осадками, по нему они поступали в дренажные колодцы, поверх фильтрующей подушки шла узкая кирпичная галерея, а уже в ней, окруженные многочисленными оплетками, скрывались изолированные медные нити.

Со времен прокладки прогресс шагнул далеко вперед — специалисты Ордена не смогли предусмотреть появление компьютерных сетей с большим трафиком. Однако медные жилы не подкачали: они с одинаковым успехом пропускали как телефонные переговоры, так и пакеты информации по Интернет-протоколам. В Монастыре планировали провести новую, оптоволоконную линию, старый кабель обладал низкой пропускной способностью; но пока до этого не доходили руки.

Линия была короткой, всего-навсего двадцать два километра, ее конечным пунктом являлся центр спутниковой связи. Именно там, на центральном узле, осуществлялось основное шифрование информации, передаваемой со всей территории монастырского комплекса по кабелям и диапазонам внутренней радиотелефонной связи. Для взлома мудреных паролей потребовалось бы не одно столетие работы опытных специалистов и мощных компьютерных систем. Полторы сотни технических колодцев были надежно запечатаны и защищены хитроумной сигнализацией. Дважды в день сохранность пломб и замков проверяли патрули, раз в неделю проводилась комплексная проверка — по каждому факту срабатывания защиты проводилось расследование. Монастырь надежно хранил свои секреты.

Но идеальной защиты не существует. Маленький механический зверек протащил свое веретенообразное тельце через двести шестьдесят семь метров песка и глины, отделявших подвал невзрачного дачного домика от линии связи. Химическая дрель пробуровила кирпичную кладку за какой-то час. Далее оператор хитроумного бура, действуя буквально по миллиметру, снял с кабеля верхнюю оплетку, являвшуюся последним рубежом защиты. Правильные меры предосторожности позволили избежать срабатывания сигнализации. Далее с той же осмотрительностью удалили слои свинца и стальной ленты. Подсоединиться к проводам физически не пришлось — достаточно было того, что сняты экранирующие оболочки. Считывание сигналов происходило бесконтактно, и следящие сис-

темы Монастыря не зафиксировали подозрительного падения напряжения.

В подвал дачного домика по тонкому кабелю пошла информация.

— Алинка, ты сама-то понимаешь, что говоришь? Радуйся! Ты ведь даже море никогда не видела! Нет, я тебя иногда просто не понимаю!

В знак своего гигантского возмущения Ленка подпрыгнула на больничной койке и, насупившись, скрестила руки на груди, скребя пальцами по гипсу. Алина усмехнулась:

— Почему бы тебе тогда не съездить в отпуск со мной? Ты ведь тоже раненая.

— Мне это пока не светит, — вздохнула подруга, — разве что после снятия гипса. Какой отпуск с подобным украшением?

Девушка постучала по повязке, закрывающей правую руку от запястья до локтя.

— Думаешь, мне лучше? — нахмурилась Лина. — И как, по-твоему, я буду себя чувствовать на пляже? У меня вся спина в шрамах.

— Скажешь еще! Вся спина! Семь маленьких шрамовиков, через несколько месяцев тебе их отшлифуют сенсы, и от них следа не останется.

— Но сейчас они видны очень даже хорошо, — Лина упрямо гнула свою линию. — Стоит немного загореть, и шрамы станут еще более заметными, сама знаешь.

— Дура, — констатировала Лена. — Кто их будет разглядывать? При такой внешности на подобные мелочи не обращают внимания. И вообще, можешь ночью загорать, раз уж такая стеснительная.

Лина, не сдержавшись, усмехнулась, но тут же нахмурилась. Ленка, поняв ее мысли превратно, моментально принялась ее утешать:

— Прекрати! Ты ни в чем не виновата. Не вздумай винить себя в гибели Маринки. Если бы не ты, погибла бы вся группа, ей просто не повезло.

— Не в том дело, — отмахнулась Лина. — Слишком много странностей, и чем дальше, тем их больше. Очень настораживает то, что Мюллер отправляет меня в такой момент. Ты ведь знаешь, как она ко мне относится.

— Все знают, — улынулась Лена. — Даже завидно, к тебе одной она относится как к человеку. Думаешь, настоятельница чего-то опасается?

ПРИЯТНЫЕ ЗНАКОМЫЕ В АДУ

О диалогии Артема Каменистого «Практикантка»

В послесловии к эпической тетралогии Артема Каменистого «Пограничная река», несколько ранее вышедшей в «Издательстве АЛЬФА-КНИГА», я упоминал деловитый и обстоятельный стиль автора, который в сочетании с эпизодами динамичного действия создает целостную и правдоподобную картину иного мира. Здесь события происходят в нашем... ну или в почти нашем мире, но автор достает из своего арсенала некоторые другие инструменты, раскрывающие его талант с новой стороны. Усиленная фэнтэзийная тема сочетается с нешуточной мясорубкой и элементами гротеска и буффонады, разбавляющими суровую героику будней... Но обо всем по порядку.

В фэнтэзийной литературе и так называемых мистических триллерах не раз можно встретить упоминания об адептах светлых сил, противостоящих демонам и всяческим злобным существам из иных миров, а также о монастырях, в которых защитники проводят суровую подготовку (правда, в итоге дело все равно решает парочка героев). Автор взял это общее место и причудливо видоизменил его, наполнив обычными человеческими страстями и противоречиями, а демонов поделил на разные фракции, не все из которых враждебны людям, в результате чего картинка стала более объемной и интересной. Впрочем, все это становится ясно не сразу.

Итак, есть женский Монастырь, одно из элитных подразделений древнего Ордена, существующего наряду с государствами, которые его опасаются, но не трогают, памятуя о многочисленных фактах из истинной истории человечества. Воспитанниц тренируют старыми испытанными методами, с которыми знаком каждый, кто читал книги Джо Аберкромби или хотя бы смотрел фильм «Солдат Джейн». Фанатичная преданность подразумевается как должное, безжалостность приветствуется, тем более что большинство из них сироты. И вот молодую практикантку Алину Ветрову посылают «на

точку», где она со спецназовцами должна исследовать рутинный случай пробоя реальности между людским и демоническим мирами. Демоны, как водится, используют людей и другие живые существа в качестве источника жизненной силы, но здесь выясняется, что дело обстоит иначе.

В первой книге дилогии («Практикантка») в центре повествования находится один-единственный человек — Алина Ветрова, от которой, как круги на воде, расходятся все сопутствующие обстоятельства. Это роман одного героя, формально имеющий вид триллера со спасательной операцией, примерно как в «Прямой и явной угрозе» Тома Клэнси. Но это еще и роман воспитания, и роман-открытие, где молодая воспитанница, ранее не имевшая представления о внешнем мире, узнает, что демон демону рознь, а о людях и говорить нечего. Разумеется, она до конца не забывает о своем долге (что похвально), но и начинает понимать, что на самом деле все не так просто, как кажется. Поле битвы — Земля (привет Рональду Хаббарду), а выбор проходит через сердце каждого человека. Массовое проникновение демонических существ в почти необитаемые районы Якутии включает механизмы защиты, предусмотренные для таких случаев, но их оказывается недостаточно. Тогда в дело вступает персонаж вневременной буффонады, этакий кот Бегемот современности Василий Иванович с говорящей кличкой Чапай, проводящий большую часть времени за неподобающее поведение в тюрьме, где мирно пишет книги о сионистском оккупационном правительстве и факторе голубизны в российской эстраде, но, если Родина прикажет, готов принять на себя функции диктатора с неограниченными полномочиями, чтобы потом по древнеримскому обычаю вернуться к мирным пастбищам или в тюремную камеру, что для него предпочтительнее. Светопреставление, устраиваемое им не сходя с места, можно оценить только при прочтении, а между тем героиня продолжает упорно следовать за своей целью. От которой, в сущности, она и узнает о вражде между высшими демонами квари и фиболо, о древней договоренности с Орденом и о попытках захватить власть над ордами диких кланов, которым вообще закон не писан. Сколько слез при этом пролито и ядерных бомб не сброшено, о том остается лишь догадываться. Но в сухом остатке мы получаем полноценное преследование (Алина) или полноценную манию преследования (Чапай), местами очень близкие ко взаимному уничтожению. Практикантка получает первый урок реальной жизни плюс тайный подарок, параноик возвращается туда, где ему и положено быть до очередного конца света, а читатель торжествует, обновляя свой путь на дровнях современной фантастики.

Но если бы все было так просто, то дальше ничего бы не было. Следующие две фразы из второй книги дилогии Артема Каменистого, по-моему, достойны экранизации:

«Мне только что сообщили: сейчас нас будут убивать».

«Какая разница между демоном и гаишником? Ответу: никакой».

Во второй книге («Боевая единица») повествование приобретает поистине эпические масштабы. Пересказывать события бессмысленно и просто вредно, но на этот раз происходящее касается уже всей планеты; правда, преимущественно разворачивается на улицах нашей многострадальной столицы и в ее недалекой окрестности. Мы узнаем зловещие тайны, связанные с самим основанием Ордена, и становимся участниками резни, способной вышибить слезу даже из самого твердокаменного любителя кровавых триллеров. Главная героиня становится песчинкой, подхваченной обвалом, но при этом сохраняет свои качества полноценной боевой единицы. В канву фантастического боевика вплетена детективная линия, ненавязчиво оттеняющая основное действие. Теперь это уже не подвиг одиночки, пусть даже за ней стоит вся мощь Ордена, а противостояние нескольких могучих сил, за которыми стоят еще более высокие интересы. Конечно, нехитрая мысль о Земле как о питательном резервуаре для чуждых существ или инопланетных охотничьих угодьях не нова, и тут даже не стоит приводить примеры. Но обычно дело ограничивается противостоянием между пришельцами и вооруженным подпольем, отдельными супергероями или даже государственными структурами, а тут, образно выражаясь, мы имеем дело с мухами внутри котлет и наоборот. Непредсказуемость, творческий полет фантазии, как угодно — именно это привлекает читателей в популярной литературе.

За всеми трагическими и душераздирающими событиями автор не забывает о карнавальной безбашенной фигуре Бровкина-Чапая, который в очередной раз сбегает из тюрьмы при помощи трех тараканов, туалетной бумаги и двухпудовой гири и по ходу дела обзаводится экстравагантным костюмом мазохиста, одолженным у порноактера. Впрочем, это не мешает ему проявлять чудеса отваги и исполнять все свои зловещие обещания в адрес противников, о которых лучше умолчать по морально-этическим соображениям. В общем, даже без намеков на прочие события и обстоятельства совершенно ясно, что ценителей нестандартных боевых действий ждет увлекательное чтение.

Теперь немного из размышлений общего характера. Наверное, из этого послесловия, как и из нескольких других, видно, что я хоро-

шо отношусь к фантастике, подкрепленной жизненным опытом автора. Конечно, гений может творить из ничего, но такие случаи единичны и обычно подкреплены обширной теоретической подготовкой в разных областях знаний. Здесь же важное значение имеет индивидуальное выживание в сочетании с навыками командной игры, ну и разумеется такие подзабытые вещи, как честь и личное достоинство. Если ты оказываешься на северной реке, то воочию представляешь события, пережитые на одной из таких рек, а если проходишь по подземелью, оно имеет свою историю, в отличие от бесчисленных катакомб компьютерных игр, где нужно собирать сокровища, прокачивать боевые навыки и сражаться с чудовищами. Фантастика — это лишь литературный прием, а все остальное остается неизменным, в том числе и вопросы, на которые пытается ответить автор. Это вопросы жизни и смерти, самосознания и поиска своего места в мире, открытия нового, в том числе и любви (реверанс в сторону гранд-дам фантастики и фэнтези). Просто все это продельвается в таком пространстве, где угол падения не всегда равен углу отражения. У автора это подтверждает трогательная история отношений между главной героиней, которая становится Алисой в стране чудес для маленького Кролика, еще ничего не знающего о мире, но делающего этот мир так, как ему представляется нужным. Он подобен одному из природных духов, только начинающих осознавать грань между необходимостью и мышлением со всеми его категориями. Это своеобразный сюрприз восприятия, подарок для того, кто держит на руках потенциально всемогущего ребенка.

Легенды о едином истинном мире гораздо древнее преданий о рае во всех монотеистических религиях, где о нем можно найти упоминания разве что в мистических текстах иудаизма (кстати, богатый демонический пантеон тоже происходит оттуда). Демоны издавна ассоциировались не только со злодеяниями, но и с кратким запретным путем к долголетию и земному могуществу; именно эту карту разыгрывает автор, когда раскрывает мотивы заговорщиков. Правда, всегда подразумевается, что параллельно существующие миры разделены барьером восприятия, разбить который мало кому дано, но и здесь находится изящное «техническое» решение. Для вящего правдоподобия автор наделяет демонов понятиями о воинской чести и гордости рода, но это скорее оправдание для раздоров между ними. Ну а для людей все понятно: назвался членом Ордена — будь готов, что тебя приберут в кузовок.

Пожалуй, тут бесполезно подбирать какие-то литературные ассоциации, как в случае с «Пограничной рекой», поскольку автор создал настолько оригинальное произведение, что все сравнения бу-

дут выглядеть натянутыми. Нет в мире совершенства, и некоторые сцены кажутся слишком затянутыми, а другие, наоборот, хотелось бы продолжить, но это сугубо личное мнение. В любом случае образы нестигаемых героев, таких, как мать-настоятельница, Матвей, Чапай и некоторые другие, заслуживают появления где-нибудь еще. Увидим ли мы их еще когда-нибудь? Кто знает? Автор конечно же знает, но...

Напоследок скажу, что мне еще практически не попадалось произведений в этом жанре (за исключением одного), которые можно бы было превратить в киносценарий для фантастического боевика, на голову превосходящего все, что у нас снималось до сих пор, при условии талантливого режиссера и хорошего бюджета. Где вы, господа продюсеры? Пора присмотреться к материалу для первого отечественного фэнтезийного блокбастера на международном уровне.

Кирилл САВЕЛЬЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАКТИКАНТКА	7
БОЕВАЯ ЕДИНИЦА	311
<i>Кирилл Савельев. Приятные знакомые в аду. О диалогах</i>	
<i>Артема Каменистого «Практикантка»</i>	694